Василий Криптонов
Мила Бачурова

Князь Барятинский

Чёрный город

Мила Бачурова
Василий Криптонов

Князь Барятинский
3. Чёрный город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69608527
SelfPub; 2023

Аннотация

Императорская Академия – лучшее учебное заведение Российской Империи. Поступить сюда удается далеко не всем. Многие мои ровесники, отпрыски знатных родов, многое отдали бы за то, чтобы оказаться на моем месте.Вот только оказалось, что учиться здесь нелегко. Сосредоточиться на учебе, когда покушения на тебя следуют одно за другим – непростая задача. А между тем в окружении Императора зреет заговор, и тебе необходимо определить, кто стоит за заговорщиками. И сделать это нужно побыстрее. Потому что, согласно пророчеству, если ты не объединишься с тем, кого считаешь своим врагом, до Рождества тебе не дожить…Что ж, проверим врага на прочность. Тот, кто думает, будто цель его покушений – избалованный аристократ, еще не знает, как сильно ошибается.

Содержание

Глава 1. Магический уровень 4
Глава 2. Элита первого курса 18
Глава 3. Белоручки 30
Глава 4. Подарок 46
Глава 5. Аделаида 61
Глава 6. Новости 75
Глава 7. Смоляное чучело 86
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Василий Криптонов, Мила Бачурова Князь Барятинский 3. Чёрный город

Глава 1. Магический уровень

Первым делом я осмотрел комнату, заглянул под кровать и в шкаф, проверил комод. Сначала искал кого-нибудь, кто вопреки здравому смыслу спрятался, оставив в «кукле» кинжал. Потом – искал что-то, чего здесь быть не должно. Потому что если человек ухитрился взломать магическую защиту на двери, проник ночью в мою комнату, да ещё оставил столь явное свидетельство своего присутствия, то мог подбросить и что-нибудь посерьёзнее. Какую-нибудь отраву, например – которая, пока я буду спать, одурманит мой мозг и заставит позабыть, как меня зовут. Я понятия не имел, существуют ли подобные средства, но после «приворотного зелья», которое так настойчиво испытывала на мне Китти, уже ничему бы не удивился. И я не пожалел времени – тщательно просмотрел все свои вещи, проверил дно каждого ящика на предмет подвоха, заглянул под кровать и под крышку стола. Но всё

было чисто. Разве что вещи лежали как будто немного не так. Самую малость – не так. Чутьё бывалого параноика – которого, к слову, паранойя никогда ещё не подводила – вновь сослужило мне добрую службу.

Кто-то определенно рылся в моих вещах. Однако он ничего не забрал и ничего не оставил.

Тогда я вернулся к кинжалу, который торчал, зловеще блестя золотыми узорами на рукояти. Потянулся к нему – и резко опустил руку.

Не спеши, Капитан Чейн. Не вчера родился.

Я открыл дверь, вышел в коридор и, сняв ботинок, швырнул его на кровать. Ботинок угодил точно по рукояти кинжала, и оружие подлецов и предателей покосилось. Однако при этом ничего не взорвалось, и не было вспышки магии. А значит, можно переходить к более близким контактам.

Вернувшись в комнату, я присел на край кровати. Пока мои руки осторожно вытаскивали из куклы кинжал, мысли пытались выстроиться в связную цепочку.

Что это? Покушение дилетанта, который ткнул ножичком, тут же сам испугался того, что натворил, и скрылся в панике? Возможно. Попытка кого-то подставить? Вот это уже больше похоже на правду – иначе зачем оставлять такое приметное оружие. Тот, кто сумел среди ночи пробраться в чужую комнату…

И вот тут я чуть не выругался в голос. «Пробраться в чужую комнату»! Да у нас тут стен-то – считай что нет! Кто

угодно мог сюда пробраться – из комнаты Мишеля, например, махнув через перегородку.

Я вытащил кинжал. Длинное трёхгранное лезвие, вычурная рукоять. Скорее произведение искусства, чем оружие. Осмотрев навершие рукояти, я увидел герб: щит, разделённый на четыре части. В первой и четвёртой частях – восходящее солнце. Во второй и третьей частях – лев, держащий меч. В геральдике я не разбирался, и вид герба ни о чём мне не сказал. Но тут что-то с шелестом скользнуло по одеялу. Кинжал, оказывается, прижимал к кукле записку.

Я схватил листок бумаги, поднёс к глазам и прочитал написанную крупными печатными буквами фразу: «Ночные прогулки врѣднъ для здоровья».

Ну вот всё и раскрылось. Кинжал – не орудие убийства, с перепугу забытое на месте преступления убийцей-дилетантом, а послание. Своего рода демонстрация силы.

От кого? А вот это ещё предстоит выяснить.

Жорж Юсупов был на собрании, Рабиндранат – тоже. Тот, кто хочет меня убить и устраивает покушения… тот пытается меня именно убить, а не напугать. Кинжал однозначно оставил кто-то другой – в качестве предостережения, чтобы я не вмешивался. А то хуже будет – как-то так.

Значит, этот кто-то знает, что я знаю о заговоре? Предположим. И пытается меня запугать…

Впрочем, стоп. О каком заговоре вообще речь? Всё, что я видел и слышал – на данном этапе группа подростков, веду-

щих смелые разговоры о политике, и ничего больше. Что-то серьёзное там созреет ещё ой как нескоро. Уверен, что это понимают и все участники процесса. А кинжал – предостережение мне, такому же не в меру ретивому подростку. Кто-то мог заметить меня – следящего за выходящим из корпуса Юсуповым. И решил припугнуть чересчур любопытного аристократика.

Вывод?.. Всё тот же. Нужно быть осторожнее. То, что я не заметил слежки за собой, не означает, что её не было. А ещё – непременно нужно выяснить, кто нанёс мне визит этой ночью. Какие бы игры ни велись, а входить в моё жилище можно лишь по моему приглашению. Иначе грянут последствия, и я гарантирую, что они будут неприятными. В первую очередь, для визитёра…

Я сжёг записку, пепел выбросил в окно. Встал на стол, заглянул через перегородку. Вполне возможно, этим путём злоумышленник ко мне и проник.

Мишель был жив и здоров, спал, лёжа на животе, с раскрытым ртом, а правая его рука свисала до пола.

Может, он? Если втюрился в Полли, то вполне может рассматривать меня как врага. Но пырнуть среди ночи «куклу», оставив предупреждение?.. Нет, ерунда. Не складывается. Мишель скорее вызвал бы меня на дуэль, честно и открыто. А вот тот, кто был у меня в комнате, предпочитает скрывать лицо. Хотя, несмотря на это, оставил приметный кинжал с гербом… Странно это всё. Очень странно.

Спустившись со стола, я лёг в постель и прикрыл глаза. Уже в полусне меня посетила светлая мысль: а почему я, собственно, приписываю своему противнику холодный ум и трезвый расчёт? Если это был кто-то из курсантов, то ему, как и мне-нынешнему, лет шестнадцать-семнадцать. Сначала оставил кинжал – рисуясь, для пущего эффекта, а сейчас одумался. Волосы на себе рвёт и локти кусает, уже тридцать раз пожалел о своём поступке…

Может, и так. Только кинжал от его сожалений никуда не делся.

С этой мыслью я улыбнулся в темноту и уснул.

***

Во время завтрака украдкой мониторил лица окружающих. На меня никто не смотрел, по крайней мере – не больше, чем обычно. Мишель и Андрей Батюшкин как всегда ели особняком – один по необходимости, другой – по личному выбору. Жорж и Рабиндранат держались поодаль друг от друга и выглядели невыспавшимися. Эх, сосунки… Подождите лет двадцать – придёт умение работать неделями без сна и отдыха, и выглядеть при этом так, как будто только что проснулся, сделал зарядку и умылся холодной водой.

Если, конечно, у вас будут эти годы.

– Я думаю, мне нужно перестать пить кофе со сливками, – сказала вдруг Полли, задумчиво болтая ложечкой в чашке.

– Почему? – из вежливости поинтересовался я.

– Не хочу набирать лишний вес перед свадьбой.

Мишель, который сидел напротив нас, поперхнулся и закашлялся.

– Перед какой свадьбой? – спросил я.

– Нашей, разумеется, Константин Александрович! Какой же ещё?

– Но… Мы ведь вроде бы хотели подождать до конца обучения, разве нет?

А до конца обучения – очень многое может случиться. Например, Мишель проявит себя как выдающийся покоритель дамских сердец. Ну, или чувства остынут. В шестнадцать лет такое бывает. Особенно если каждый день нос к носу сталкиваешься с предметом своей любви.

– Разумеется, – со вздохом пояснила Полли и брезгливым жестом отодвинула от себя сдобную булочку. – И всё, что происходит до этой свадьбы – считается как перед свадьбой. Или ты думаешь, я смогу похудеть за месяц, когда настанет пора готовиться к этому торжественному дню? По-твоему, это так легко?!

Анатоль, который сидел слева от меня, опрометчиво хихикнул, и Полли перевела взгляд на него. Похоже, кто-то сегодня встал не с той ноги.

Прежде чем Полли успела сочинить убийственную реплику, от которой Анатоль должен был свалиться под стол в судорогах и корчах, я спросил:

– Не знаете, случайно, чей это герб – щит, разделённый на четыре части? В левой верхней и правой нижней частях

– восходящее солнце, а на двух других, по диагонали – лев, сжимающий меч?

Полли небрежно пожала плечиком, Мишель ожидаемо развёл руками. А вот Анатоль внезапно заинтересовался.

– Лев с мечом в лапах? – переспросил он. – И два восходящих солнца? А ты точно разглядел?

Я кивнул. Гравировка на навершии кинжала и сейчас стояла перед глазами так, будто я держал его в руках. Хотя на самом деле кинжал я надежно спрятал. Так себе идея – хранить чужое холодное оружие в академии, где личные вещи в принципе не приветствуются. Исключение составляет разве что личное оружие. С ним уж ничего не поделаешь.

– Хм! – Анатоль постучал пальцами по своей чашке. – Ты меня заинтриговал, кроме того – я немного уязвлён. До сих пор полагал, что геральдика – моя сильная сторона. Хорошо, вызов принят! Я установлю, чей это герб. Дай мне пару дней.

И вдруг без всякого гипноза у меня перед глазами встала сцена из детства. Нам лет по десять-одиннадцать. Я, Анатоль и Надя играем в саду в Барятино. Надя держит здоровенную старинную книгу, листая страницы без всякого почтения. «Вот! – кричит она, тыкая пальцем в страницу. – Щит, золотой язык пламени на лазурном фоне, два серебряных…»

«…серебряных орла парят, – заканчивает за неё Анатоль, – а внизу – всадник на серебряном коне. Герб рода Делицыных».

«Ничего себе!» – восклицает пораженная Надя.

«Подумаешь, – ворчит Костя, который пытается делать вид, что ему всё равно. Хотя на самом деле его точит зависть к чужому таланту – ведь сам он никакими талантами не обладает. – Какой смысл забивать себе этим голову? Мы же не в средних веках, когда нужно было, глядя на флаги, понимать, что за рыцарь к тебе едет. В наш просвещенный век существуют визитные карточки».

– Надеюсь на тебя, – сказал я Анатолю, развеяв облако воспоминаний.

Анатоль кивнул. А я задумался о том, что Костина память, похоже, постепенно становится моей. Так, как сейчас, я иногда в своём мире вспоминал о своём же детстве. О глупостях, которые совершал. Вот и теперь я – совсем другой человек, я изменился. Но прошлого не сотрёшь, его остаётся лишь принять. Выучить его уроки и не повторять ошибок в будущем.

Первым сегодняшним занятием было магическое искусство. И Всеволод Аркадьевич сразу же обрадовал нас:

– Поздравляю, господа! Сегодня мы установим магический уровень каждого курсанта. При поступлении вы прошли фоновое тестирование, но оно не даёт большой точности, и сегодня мы этот недочёт исправим. Списки с результатами будут вывешены в холле. Надеюсь, что это поспособствует здоровой конкуренции. Сейчас, насколько я понимаю, вы уделяете не очень много времени развитию энергетических каналов и чакр. Уверен, многие из вас до сих пор не

провели ни одной медитации. Понимаю: студенческая жизнь полна многими интересными соблазнами, да и академическая нагрузка по прочим предметам немалая. Но поймите вот что: вы сейчас находитесь в идеальном возрасте для развития энергетической проводимости. С каждым годом «окно» для развития будет становиться всё у́же. Не успеете оглянуться, как текущая цифра, обозначающая уровень, превратится для вас в приговор на всю жизнь. Поверьте: нет ничего обиднее, чем сознавать собственное бессилие! А на всех государственных должностях в первую очередь определяют магический уровень. И магические способности нередко перевешивают знания. В первую очередь я надеюсь, что ко мне прислушаются белые маги! Не секрет, что в последнее время в Российской Империи у белых магов наблюдаются некие проблемы, включая серьёзную просадку в силе. Не берусь судить о причинах, но полагаю, что усердные тренировки уж точно никому не повредят. Сила державы, как вам хорошо известно – в балансе. И баланс этот – на вашей совести, дамы и господа! А теперь – я буду называть фамилии, а вы – выходить сюда, для теста.

Рядом с доской стоял на специальной подставке некий предмет, зловеще накрытый тканью. Когда Всеволод Аркадьевич торжественным жестом сорвал покрывало, под ним обнаружился чёрный продолговатый ящик. Он напоминал телефонный аппарат, с которого можно было позвонить из академии, только размером побольше, без телефонной труб-

ки, а вместо диска – просто круглое отверстие.

– Это нехитрое устройство, – Всеволод Аркадьевич с любовью погладил аппарат по полированному боку, – работает следующим образом. Оно «протащит» через ваши тела столько магии, сколько возможно, и покажет её количество. Это и будет ваш максимальный на текущий момент магический уровень. Будьте готовы ощутить некоторую слабость, возможно, лёгкое головокружение. Если вы ни разу не работали на пределе своих магических сил – а вы, надо полагать, не работали, – то ощущение будет для вас непривычным. Но ничего страшного с вами не произойдёт, уверяю. Не пугайтесь. Итак, приступим! Господин Абашев, прошу вас.

Коротко стриженный парень с мелкими и невзрачными чертами лица вышел к доске и опасливо посмотрел на аппарат.

– Положите руку в отверстие и, что бы ни случилось, не двигайтесь, – сказал Всеволод Аркадьевич. – Повторяю, что опасности нет никакой, процедура займёт от силы минуту.

Абашев послушно просунул ладонь в дыру и замер. Вдруг его тело напряглось, как будто по нему пустили ток. А я почувствовал чем-то внутри, что в помещении появилась магия. Чувство было таким же отчётливым, как прикосновение.

Над ящиком возникла из ниоткуда полупрозрачная вращающаяся сфера. Сначала она напоминала просто мыльный пузырь, по которому пробегают разряды. Потом налилась бе-

лым цветом, который, подумав, перешёл в бежевый. На том и остановился.

– Ну вот, – сказал довольный Всеволод Аркадьевич и сделал пометку в журнале. – Это приблизительно соответствует первому уровню. Хотя от чёрного мага я бы ожидал большего, господин Абашев. Прошу садиться.

Следующей вышла Авдеева, белый маг. Форменное платье, по идее, пошитое на заказ, сидело на ней как мешок. Лицо девушки было рыхлым и ленивым. Интуиция мне подсказала, что здесь мы чуда не увидим – так оно и оказалось. Когда Авдеева просунула ладонь в аппарат, тот выдал белую сферу, и она не менялась.

– Нулевой уровень, госпожа Авдеева, – вздохнул Всеволод Аркадьевич, черкнув в журнале. – С нулевого вы, скорее всего, разовьётесь до первого-второго просто естественным путём, хотя и не обязательно. Но прошу вас учитывать, господа, что сколько-нибудь значимый государственный пост можно занять только начиная с пятого уровня. Если к концу обучения вы не подниметесь до этой величины – простите, но это будет означать, что вы зря потратили своё время и средства своего рода. Впрочем, я уверен, что ни с кем из вас ничего подобного не произойдёт.

Всеволод Аркадьевич сбил аудиторию с толку обнадёживающей улыбкой и выдал:

– Программа вашего обучения не зря рассчитана на пятилетний срок. После первого курса вы должны показать мини-

мальный результат – первый уровень. После второго – второй! И так далее. Некоторым из вас, должно быть, известно, что в прошлом году пришлось снизить этот порог, чтобы через него могли проходить белые маги. Посему, имейте в виду: в этом году жалобы и апелляции приниматься не будут. Императорская Академия готовит лучших из лучших. Выйдя отсюда, вы станете элитой, творцами не только своих судеб, но и истории Российской Империи, а значит – мировой истории! Садитесь, госпожа Авдеева. Советую вам уделять как можно больше времени медитациям по методике, которую я дал ещё на первом занятии. В учебнике вы можете найти более детальное описание, если оно вам понадобится. В чём я, правда, сомневаюсь. Методика предельно проста… Госпожа Алмазова!

Я с интересом наблюдал, как Кристина гордо вышагивает к доске. Интерес мой был… многогранным. Есть нечто особенное в том, чтобы смотреть на гордую и неприступную девушку, которую недавно видел в одном нижнем белье, а она об этом даже не подозревала.

– Прошу. – Всеволод Аркадьевич жестом указал на ящик, и Кристина с каменным выражением лица положила руку в отверстие.

Появилась прозрачная сфера. Прошла белый и бежевый этап, потом отчётливо пожелтела, стала коричневой, затем внезапно порозовела. Казалось, сейчас сделается красной, но тут же откатилась обратно к розовой.

Всеволод Аркадьевич ещё несколько секунд смотрел на сферу. Выглядел он очень довольным.

– Что ж, благодарю вас, госпожа Алмазова. Вот кто, я полагаю, возглавит списки! Пятый уровень, дамы и господа! Уже на первом курсе – пятый уровень. И прекрасный потенциал роста; думаю, что на пятом вы надолго не задержитесь… Прошу садиться, госпожа Алмазова. Вы – молодец.

Кристина явно пыталась скрыть эмоции, но за километр было видно, как её распирает гордость. Идя к своему месту, она буквально купалась во всеобщем внимании. Пятый уровень! С которым уже сейчас можно получить, пусть заню-ханную, но самую настоящую должность в самом настоящем госаппарате! Действительно – вау…

– Чем раньше вы начнёте тренировки – тем лучше, – продолжал между тем вещать Всеволод Аркадьевич. – Лучше бы – с тех пор как научились ходить, но и сейчас ещё не поздно. Помните: потолка нет! Государь наш батюшка, который так же, как и все остальные маги на службе Российской Империи, ежегодно проходит открытое тестирование, этим летом подтвердил свой двадцатый уровень. Государь, как вы знаете, сильнейший из магов в нашей стране. Однако ещё два года назад у него был лишь девятнадцатый уровень.

– Да и что толку? – вдруг подал с места голос Рабиндранат. – У его наследника, говорят, даже первого уровня нет. И особую магию государя цесаревич не унаследовал. Не говоря уж о великих княжнах – те, по слухам, вовсе пустышки.

– Император ещё отнюдь не собирается на покой, – пронзив Рабиндраната взглядом, возразил Всеволод Аркадьевич. – У него впереди долгая жизнь и достаточно времени, чтобы произвести на свет других наследников. Не думаю, что император нуждается в вашем сопереживании, господин Иванов.

Рабиндранат резко опустил голову, пряча жестокую ухмылку. Всеволод Аркадьевич, снова уставившийся в классный журнал, этого не заметил. А вот я уловил даже взгляд Юсупова – который с прищуром посмотрел на Рабиндраната и как бы кивнул своим мыслям.

– Господин Барятинский, – вызвал Белозеров меня.

Глава 2. Элита первого курса

Я подошёл к ящику. Сунул руку внутрь. Там, внутри, ничего не оказалось, и до дна ящика я не достал. Помнил, что все предыдущие испытуемые помещали внутрь только кисть руки – тем и ограничился.

И вдруг впервые почувствовал то, что до сих пор видел лишь на схеме – свои энергетические каналы. Меня как будто бы пронизали два потока – восходящий и нисходящий. Но они не просто струились в этих двух направлениях. Энергия растекалась по телу… Нет, не совсем по телу – по энергетическому телу, вот так будет правильно. Множество крохотных капилляров наполнялись силой. Но больше всего её концентрировалось в чакрах. Я ощутил все семь, и когда две верхние наполнились, почувствовал головокружение. В глазах потемнело, я даже не видел сферы над ящиком.

– Достаточно, господин Барятинский! – крикнул Всеволод Аркадьевич.

Я поспешно выдернул ладонь из ящика и перевёл дыхание. Белозеров подошёл ко мне, заглянул в глаза. Он был очень серьёзен, если не сказать больше – напуган.

– Могу я… пожалуйста, могу я посмотреть на вашу жемчужину, если вы её носите? – спросил он.

– Конечно, – вздохнул я и достал из-под одежды жемчужину.

Гордиться мне было положительно нечем. Как бы я ни боролся с чернотой – она ползла. К счастью, сейчас её было всего-то около трети.

– Гм, – сказал Всеволод Аркадьевич и кивнул. – Благодарю вас, господин Барятинский.

Казалось, моя жемчужина навела его на мысли, которые он пока предпочёл оставить при себе. Стояли мы оба так, чтобы жемчужины не было видно со стороны аудитории. И это – тоже была инициатива Белозерова.

Я убрал жемчужину и замер в ожидании вердикта. Надеюсь, пятый уровень у меня будет. Хотелось бы видеть, как перекорёжит Кристину. Детское такое желание, но – увы. Работаем с тем, что имеем, а имеем – тело подростка, которому хочется достигать, размножаться и утверждать авторитет.

– Впредь воздержусь делать прогнозы, всё же прорицательство – не моя стезя, – вздохнул Всеволод Аркадьевич. – Прошу прощения за то, что посеял ложную надежду…

Я замер, не веря ушам, но Белозеров закончил фразу так:

– Прошу прощения за то, что посеял ложную надежду, госпожа Алмазова. – Он виновато посмотрел на Кристину. – У господина Барятинского твёрдый восьмой уровень и отличный потенциал роста. – По классу прокатился изумленный ропот. – На самом деле, думаю, что можно было бы зафиксировать и более высокий уровень, – продолжил Белозеров, – но это уже было бы опасно для жизни и здоровья господина Барятинского. Поздравляю, Константин Алексан-

дрович, у вас – выдающиеся способности к магии! Что в вашем возрасте несколько… удивительно. Большая редкость. К примеру, маг Шартран, о котором я рассказывал в самом начале курса, когда его дух переселился в его семилетнего сына, легко демонстрировал двенадцатый уровень. Правда, из-за угрызений совести этот маг так и не смог подняться выше. Вы же – уникум, господин Барятинский! Но это означает лишь то, что вам нужно продолжать усердно трудиться. Прошу, возвращайтесь на своё место.

Сказать, что Кристину перекорёжило – ничего не сказать. У неё натуральным образом отвисла челюсть. Она таращилась на меня, как Надя на «Чёрного Призрака» в автосалоне. Впрочем, остальные курсанты не отставали. Я чувствовал себя экспонатом в музее. Надо сказать, не самое приятное чувство.

Вернувшись на место, я сложил руки перед собой и приготовился к продолжению шоу, стараясь выглядеть бесстрастно. Хотя на самом деле эмоции меня так и сотрясали. Часть из них явно относилась на счёт незрелой нервной системы – хотелось визжать от восторга и прыгать до потолка, потому что я – исключительный. Но другая часть была уже моей, и там радости было существенно меньше.

Какой-то преподаватель, пусть и в элитной академии, сходу провёл параллель между мной и легендарным магом Шартраном, дух которого переселился в ребёнка. Плюс – моя загадочная потеря памяти. Плюс – изменившийся характер.

Плюс – во всех отношениях небывалое выздоровление после того как все целители оказались бессильны… Внимание, вопрос: а не треснет ли по швам моя легенда?

Размышляя, я не забывал наблюдать и делать в памяти пометки насчёт своих сокурсников. Анатоль – второй уровень, Андрей – первый, Мишель внезапно порадовал вторым, вот уж где самородок. Рабиндранат тоже показал второй уровень. А вот Полли с трудом вытянула на первый. Белозеров долго сомневался, глядя на её бледную сферу. Полли бледнела и дрожала, но, наконец, вердикт был вынесен: «Первый уровень, госпожа Нарышкина. Но – едва-едва. На вашем месте я бы уделял больше времени медитациям…»

Мне показалось, что Белозеров хотел добавить: «…чем беготне за господином Барятинским». О том, что мы с Полли – «пара», не знал в академии уже только глухой и слепой. Я с мрачной тоской ждал, когда же отец Полли захочет со мной побеседовать и тонко намекнуть, что для человека, который так и не сделал официального предложения руки и сердца, я чересчур фривольно обхожусь с его дочуркой. Не объяснять же ему, что это его дочурка обходится со мной чересчур фривольно!

Жорж Юсупов вышел последним. Я с любопытством следил за его надменным лицом и развязной походкой. Интересно, что этот нам покажет такого исключительного?

Сунув руку в отверстие, Жорж напрягся. Все в этот момент несколько деревенели, но мне показалось, что Жорж

буквально пыжится изо всех сил. Сфера, появившаяся над аппаратом, моментально стала бежевой, затем легко и плавно превратилась в коричневую. Больше никаких изменений не было, хотя на лбу Жоржа выступили крупные капли пота.

– Достаточно, – сказал Всеволод Аркадьевич, и Жорж, испустив громкий облегчённый вздох, выдернул руку. Сфера погасла.

– Ну вот, ещё один представитель элиты первого курса, – улыбнулся Белозеров. – Твёрдый четвёртый уровень! Поздравляю, господин Юсупов. Встать в один ряд с двумя такими сильными курсантами… Я думаю, остальные захотят равняться на вас. Подавайте пример своим товарищам!

Я перехватил яростный взгляд Жоржа и равнодушно пожал плечами. Ясно, что он до последнего надеялся превзойти меня в магии, но вот – получил щелчок по носу. У него – четвёртый, у меня – восьмой. Соревнование «у кого длиннее» только что закончилось в мою пользу.

Значит, элита первого курса, как назвал нас Белозеров – это, в нисходящем порядке: я, Кристина, Жорж. Затем – крепкие середняки, вроде Мишеля и Анатоля. И, наконец, основная масса – нули и единицы. Ну и – риторический вопрос – кто мог превратить Башню-руину в голема? Пожалуй, из всех нас… только я сам. Вот почему Белозеров так скептически относился к моим предположениям. Кристина, с её пятым уровнем, вряд ли была бы на такое способна. А вот я, с твёрдым восьмым и хорошей перспективой роста, – запро-

сто. Если бы, конечно, знал, как это сделать.

Впрочем, магия тем и хороша, что знать тут – не обязательно. Заклинательные техники лишь помогают использовать магию более эффективным способом, без излишних затрат. А так-то можно работать с энергией напрямую. Что я и делал неоднократно, проламывая стену на заводе Лавра, например, или сражаясь с тем же големом.

Может, у меня не все дома? Какая-нибудь субличность?

Нет! Отставить психологию, Капитан Чейн! Ты же не психолог, ты – воин. Вот и рассуждай, как воин. Да, конечно, на первом курсе никто из курсантов не мог натравить на тебя Башню. Но как насчёт второго курса? Пятого? Как насчёт преподавательского состава? Конкретно – как насчёт Иллариона Георгиевича Юсупова, у которого мотивов и возможностей – как у собаки блох?

Списки, сообщающие уровень магии курсантов, вывесили уже на большой перемене. По пути в столовую я остановился возле стенда, на котором размещалась важная информация, и ещё раз пробежал взглядом рукописные строки, заставляя их врезаться в память. Через месяц проведут новое тестирование, и эти данные станут неактуальными, но именно скоропортящиеся сведения часто бывают самыми полезными. С едой, кстати, то же самое.

– Гордыня – плохое чувство для белого мага, – послышался дрожащий от злости голос у меня за спиной.

Я повернул голову, увидел Жоржа. Оправиться после унижения пацан, кажется, не успел, да не очень-то и старался. Выглядел он так, будто терять ему уже совершенно нечего, жизнь кончена, осталось лишь напиться и броситься под поезд. Последнее он, собственно, и пытался сейчас провернуть – правда, на трезвую голову.

Интересно, а он знает, что его дядя пытается меня убить?.. Хотя какая разница. Даже если знает – Иллариона не сдаст. Для пыток академия не очень приспособлена, а значит, нет смысла и начинать задавать Жоржу вопросы. Всё, чего я могу добиться таким образом – раскрою противнику свои мысли, а этого делать категорически нельзя. Даже если гормоны бушуют и очень хочется.

Я молча отвернулся, ещё раз взглянул на список, который возглавляла моя фамилия, выведенная красивым каллиграфическим почерком, и пошёл дальше своей дорогой.

– Что же это вы, господин Барятинский! Брезгуете говорить с теми, кто ниже вас по магическому уровню? – крикнул вдогонку Жорж.

Голос его звенел от переполнявших эмоций, и все, кто был на этаже, услышали, обернулись. Мы стали центром внимания. Жорж быстро меня нагнал и пошёл рядом.

– Чего тебе нужно, Юсупов? – негромко спросил я.

– Мне?! – удивился Жорж, продолжая работать на публику. – Мне – ничего! Это вам, господин Барятинский, нужно перестать вводить в заблуждение себя и окружающих!

Не может быть на первом курсе такого уровня у белых магов! Недаром Белозеров попросил у вас жемчужину! Думаете, никто не обратил на это внимания? А ну, покажите-ка её всем! Пусть все увидят, какой вы «белый» маг!

– Серьёзно? – Я остановился и повернулся к Жоржу. – А почему?

– Потому что нужно быть честным по отношению к своим товарищам!

– Вопрос был не про детсад. Почему на первом курсе не может быть такого уровня у белых магов?

Жорж немного смешался, но он уже зашёл слишком далеко. Вокруг нас собралось слишком много курсантов, чтобы можно было пойти на попятный, не уронив достоинства. И Жорж выпалил:

– Да потому что вы, белые – вырожденцы! Это известно всем и каждому! Сама природа от вас избавляется. Вы, неженки и белоручки, тормозите прогресс! Если бы не вы, Российская Империя уже правила бы всем миром – а не жалкой его половиной!

В голове у меня моментально состыковались две мысли. Первая: так вот чего он хочет. Доказать всем, что я на самом деле чёрный маг. Его не унижает то, что он уступает Кристине, его унижает то, что он уступает белому магу. Наверняка папенька с пелёнок твердил сынульке, что белые маги – слабаки. И вдруг такое. Вот и затрепетала нежная душонка, как бы слеза не выкатилась.

Вторая мысль появилась, когда я краем глаза заметил бледные лица Анатоля и Полли, сжатые кулаки Андрея. И – самодовольные ухмылки Алмазовой и Звягина. Похоже, только что прозвучало оскорбление, которого снести нельзя.

Варианты? Дуэль – это мы уже проходили, ничем хорошим она не закончилась. Во второй раз закончится тем, что мы с Жоржем вылетим из академии. И хорошо ещё, если оба. А если я один, как зачинщик?

Устроить магическую битву? Этим я вообще ничего не докажу. Все и так знают, что магически я сильнее Жоржа. Кроме того, атаковать его чёрной магией – значит подтвердить его же слова, а белой… А что я сделаю против него белой магией?..

К счастью, Жорж избавил меня от необходимости ломать голову.

Когда он сказал:

– Если хотите быть белым магом – берите пример с госпожи Нарышкиной! – у меня сработал инстинкт.

Мужской спор – это мужской спор, но если один из участников приплетает даму, которая предметом спора не является, – он точно переступает черту, за которой к нему уже не стоит относиться с уважением.

Я как будто со стороны, с лёгким удивлением наблюдал полёт своего кулака. Он врезался в нижнюю челюсть Жоржа – которую тот, к счастью, успел поднять. Если бы замер с разинутым ртом, челюсть я ему сломал бы точно. А так –

Жорж всего лишь всхрюкнул и покатился по полу.

По собравшимся прошелестел взволнованный «ах». Жорж приподнялся на локте, глядя на меня с изумлением. А у меня сорвало все ограничители.

– Как-то мы с тобой не с того начали, Жорж, – громко проговорил я, приближаясь к валяющемуся противнику и чувствуя, как жжёт кожу, чернея, жемчужина. – Поединок на глазах императора, дуэль, где ты прячешься за чужую ж… спину. У тебя, я смотрю, складывается превратное впечатление о границах дозволенного. Ну, сейчас я обозначу эту грань почётче!

Никто не кинулся меня оттаскивать, никто даже слова не сказал – все лишь сомкнули вокруг нас кольцо. А на лице Жоржа я увидел самый настоящий ужас. Ну да, это тебе – не магическая драка. Ни у кого не сработает глобус-индикатор, не прибегут наставники и преподаватели. Курсанты из белых слышали оскорбление и сочувствием к Жоржу не пылали. Ну а курсанты из чёрных… Что ж, полагаю, они ждали, что Юсупов встанет и наваляет мне по первое число. Я ведь сам задал тон драки – без магии. А значит, у Жоржа есть все шансы проявить себя с лучшей стороны.

Справедливости ради, Жорж отнюдь не был хиляком вроде Мишеля. Как и подобает аристократу, он с детства не чурался физических упражнений и внешне ничуть мне не уступал. Так что драка должна была происходить более-менее на равных. Если не брать во внимание крохотный нюанс: я-то

не Костя Барятинский. Я – Капитан Чейн, у которого реального боевого опыта – как у дурака махорки, и который уже успел заточить нынешнее тело под себя; так, чтобы им было удобно пользоваться для достижения своих целей.

Все эти мысли – ну, кроме последней, – совершенно отчётливо промелькнули и на лице Жоржа. Он вскочил и моментально встал в боксёрскую стойку. И ведь правильно встал! Колени чуть согнуты, локти прикрывают корпус, кулаки – голову. Кто-то из белых магов хихикнул. Ну да, для тех, кто не разбирается, может выглядеть забавно. Белых-то магов боксу вряд ли обучают.

Жорж не стал ждать следующей атаки – перешёл в нападение сам. Я, отзеркалив его стойку, уклонился от пробного удара левой и едва не прощёлкал прямой правой. В скорости Жорж мне точно не уступал!

Сделать что-то корпусом я уже не успевал, пришлось задействовать руки. Левой я хлопнул по кулаку Жоржа, уводя его в сторону. Жорж равновесия не потерял, тут же отпрыгнул и закружил вокруг меня. Прищуренные глаза ощупывали мою стойку, выискивая слабое место.

– Неплохо, – подбодрил я соперника. – Брал уроки у госпожи Алмазовой?

Расчёт сработал. Жорж, побагровев от ярости, кинулся в атаку, раскрываясь, как цветок под солнцем. Я бы мог свалить его подсечкой, но, раз уж у нас тут вроде как бокс, решил не ломать хотя бы этих условных границ. И, улучив мо-

мент, влепил Жоржу отличный хук с правой.

Даже стойка Жоржу не помогла – он опять рухнул на пол, прямо под ноги Кристине.

– Вставай! – сказала та ледяным тоном. – Ты – чёрный маг, Жорж! Мы не проигрываем белым на полях сражений!

То ли застонав, то ли зарычав, Жорж поднялся. Его явно вело – голова кружилась. Может, я вообще у него в глазах двоился. По-хорошему – прекратить бы этот балаган, да только кто меня теперь послушает…

Глава 3. Белоручки

Ситуация изменилась в считанные секунды. Если поначалу я просто учил уму-разуму зарвавшегося мажора, то теперь против меня стоял боец, готовый буквально умереть на поле битвы. Ну как – стоял… Шатался. Но ноги пока держали.

В мои планы не входило ни убивать Жоржа, ни отправлять его на больничную койку – хотя он, возможно, заслуживает и того, и другого. По крайней мере, расправляться с ним прилюдно – однозначно плохая идея. Но и протянуть ему сейчас руку для пожатия – идея ничуть не лучше. Сам получу прямой в голову, и поделом.

Взяв себя в руки, Жорж тряхнул головой, взгляд его прояснился, и он тут же снова попёр на меня. Вместо того, чтобы занять оборонительную позицию, что в его ситуации было бы полностью оправдано.

Атаки Жоржа сделались вялыми и легко предсказуемыми, хотя он, безусловно, старался. Я ушёл раз, другой. Потом сделал вид, что хочу контратаковать и «допустил ошибку». В результате мы с Жоржем вошли в клинч. Я услышал его нездоровое поверхностное дыхание.

– Падай, – прошипел я ему на ухо. – Падай и не вставай, или хуже будет!

Вместо ответа он высвободил правую руку и ударил мне

в живот. Мышцы пресса были напряжены, и такая смешная атака ничего не могла им предложить. Я, мысленно выругавшись, оттолкнул Жоржа и махнул ему вслед кулаком. Удар скользнул по скуле. Собственно, это был даже не удар, я едва обозначил касание. Но голова Жоржа внезапно дёрнулась, он картинно взмахнул руками и повалился на спину. Глаза закатились, на лице появилось отсутствующее выражение.

У меня же, судя по ощущениям, за время этой схватки пульс даже к сотне не приблизился. И всё же я наклонился вперёд, опираясь руками на колени, и тяжело задышал. Ни к чему демонстрировать всем сто процентов от своих возможностей. Пусть останется место для интересных сюрпризов.

Неожиданно приятное ощущение возникло в груди. Вернее, не «в», а «на». Жемчужина белела?..

– Раз, – послышался чей-то робкий голос. – Два. Три…

Я нашёл взглядом взволнованную физиономию Мишеля. Тот, кажется, не мог поверить в волшебную сказку, что произошла у него на глазах. И продолжал считать.

– Восемь! Девять!! Десять!!!

Хором завопили в восторге белые маги. Меня окружили. Обнимали, жали руку, что-то говорили, хлопали по плечу.

Чёрные маги хранили похоронное молчание. Но своего они не бросили. Кристина первой опустилась на колено рядом с Жоржем. И через несколько секунд раздался её низковатый голос, в котором отчётливо слышалось презрение:

– Эй, белоручки! Никто не хочет оказать помощь челове-

ку? Или быть белым магом означает только радоваться победам?

Полли, которая только что буквально висела на мне, тут же обернулась. Фыркнула:

– Белоручек ищите среди своих горничных, госпожа Алмазова! Ваш надменный тон я прощаю лишь потому, что вашему товарищу, возомнившему о себе слишком много, и в самом деле нужна помощь. Каковую сами вы, сколь ни прискорбно, оказать не в состоянии.

Полли подошла к Жоржу с Кристиной. Присела, вытянула руку.

– Я не целительница. Но попробую сделать что могу.

– Главное, чтобы слух об этом инциденте не дошёл до наставников, – сквозь зубы проговорила покрасневшая от злости Кристина. – Сами понимаете, госпожа Нарышкина. Вашему… жениху тоже ни к чему огласка.

Жорж открыл глаза и вяло запротестовал. Мы-то с ним знали, что нокаут был фальшивым. Но Полли строго шикнула и коснулась пальцами его лба. Появилось слабое свечение.

Полли работала не как Клавдия, которая вытягивала проекцию энергетического тела пациента и «чинила» там всё, что было не в порядке. Как мне витиевато объясняла сама Полли, она просто направляла свою энергию к повреждённым участкам и как бы ускоряла там процессы регенерации. В плане синяков и ссадин – то, что надо, а вот сотрясение мозга – уже задачка посложнее.

И всё-таки взгляд Жоржа явно просветлел. Ну и слава богу. Может, обойдёмся без…

И тут я увидел Всеволода Аркадьевича. Он стоял за спинами чёрных магов, которые наклонились над Жоржем, и с грустным видом наблюдал за происходящим. Поняв, что обнаружен, повелительно кивнул мне в сторону и двинулся назад по коридору. Вскоре свернул на лестницу.

Я огляделся. Присутствие преподавателя никто как будто не заметил.

– Костя, ты куда? – окликнул меня Анатоль.

Столовая была в другой стороне.

– Идите без меня, догоню позже, – отозвался я и поспешил свернуть на лестницу, где скрылся Белозеров.

Он ждал меня пролётом выше.

– Всеволод Аркадьевич, – поклонился я.

– Константин Александрович, – кивнул Белозеров. – Украду у вас пять минут?

– Конечно.

– Идёмте за мной.

Мы двинулись к кабинету Белозерова.

– Как вы это сделали? – спросил я.

– Что именно? – грустно спросил Белозеров.

– Вы были там, но вас никто, кроме меня, не видел.

– О, это очень просто. Я не хотел, чтобы меня увидели – вот они и не хотели меня видеть. Эту технику вам ещё предстоит изучить… Прошу, господин Барятинский.

Белозеров распахнул передо мной дверь своего кабинета.

Усевшись на стул, я дождался, пока Белозеров устроится в своём стареньком кресле и вытащит сигару, после чего спросил:

– Я отправлюсь в карцер?

– Не думаю, что в этом есть смысл, – невнятно пробормотал Белозеров, раскуривая сигару. – Видите ли, господин Барятинский, – он выпустил изо рта клуб дыма в потолок, – вы производите впечатление взрослого человека, который прекрасно владеет собой и контролирует свои поступки. Я готов спорить на последний грош, что эта драка не была случайностью. Вы отлично знали, что делаете. И завершили поединок весьма благородным образом – не только избавив своего противника от увечий, но и не унизив его. Сколько я на вас смотрю – столько удивляюсь. На каждый ваш чёрный поступок непременно наслаивается белый. Хотя, увидев сегодня вашу жемчужину, я удивился ещё сильнее. Предполагал, что такое может быть, но… Черноты в жемчужине – около пятидесяти процентов, полагаю?

– Меньше, – буркнул я. – Тридцать, где-то так.

– А больше бывало?

– Бывало и больше…

– Больше пятидесяти?

Помолчав, я кивнул. Какой смысл скрывать? Наверняка существуют способы выяснить это с точностью до доли процента.

– Не буду спрашивать, как вам удалось очистить энергетику, – вздохнул Белозеров. – Могу только догадываться. Но, на самом деле, важно не это. Важно то, что вы стараетесь её очищать. У большинства ваших сокурсников чернота в жемчужинах тоже присутствует, однако в количествах совсем незначительных. От пяти до десяти процентов. Это нормально. Каждый маг – прежде всего человек, а у любого человека есть слабости, которым он потакает. Если же черноты становится больше – как правило, это путь в один конец. Возникает иллюзия, что совершать чёрные поступки необходимо, что другого выхода просто-напросто нет. – Белозеров снова тяжело вздохнул. – Принято считать, что каждый такой поступок поднимает человека по какой-то очень важной для него лестнице. Однако с вами – не так. Вы находите в себе силы бороться с чернотой. Контролируете себя.

– Спасибо за комплимент, – грустно усмехнулся я.

– Это, господин Барятинский, не комплимент. – Белозеров попыхтел сигарой. – Это – объяснение, почему я не планирую докладывать педагогическому совету о том, что наблюдал в коридоре пять минут назад. Нарушая, к слову, тем самым свои прямые обязанности… Но я просто не вижу смысла в докладе. Уверен, что господин Калиновский согласится со мной: несмотря на формальное нарушение режима, по сути, наказывать вас не за что. Вы вышли из сложившейся ситуации наиболее разумным способом. Кроме того, вы – возможно, самый сильный белый маг из всех, что пе-

реступали порог Академии за последние пару десятков лет. И говоря о силе, я имею в виду не только число, обозначающее уровень. Я говорю о чём-то большем. Ну, и последнее – по порядку, но отнюдь не по значимости. В вас лично заинтересован государь. Поступили вы сюда, несомненно, благодаря собственным талантам. Однако Его величество просил докладывать ему о вашей академической жизни. А это, как вы понимаете, не только протекция, но и своего рода ответственность. Я, разумеется, не рискну строить предположения, откуда такая заинтересованность. Хотя мысли, безусловно, есть…

– Всеволод Аркадьевич, – не выдержал я. – К чему вы ведёте?

Белозеров помолчал.

– К тому, что вы не равны прочим курсантам, Константин Александрович, вот к чему! Избавьтесь от этой иллюзии, и чем скорее – тем лучше. Примите следующий постулат: вам больше дано, однако с вас в конечном итоге будет больше спрошено.

Вот уж нашёл, чем удивить. Это я лет двадцать как точно знаю. С тех пор как принял на себя командование отрядом – так и осознал. И про «дано», и про «спрошено».

– Поэтому я сейчас говорю не с господином Юсуповым, а с вами, – продолжил Белозеров. – Не нужно мне рассказывать очевидное, я прекрасно знаю, что он постоянно вас провоцирует. Юсупов – чёрный маг, подобное поведение у

него в крови, иначе и быть не может. Но вы сегодня уже сделали мудрый выбор, закончив бой, как белый маг. Я прошу вас: продолжайте и дальше выбирать столь же мудро.

– То есть, избегать Юсупова? – вздохнул я.

Белозеров кивнул, вместе с ним качнулся и огонёк сигары, заполняющей кабинет терпким дымом.

– Вы учитесь в одной академии, на одном курсе. Понятно, что никуда вам друг от друга не деться. Но…

– При всём уважении, – перебил я, – в свете вашей просьбы, публично вывесить списки с уровнями – не лучшая идея.

– Лучших идей не существует в принципе, – отрезал Белозеров. – Существуют рабочие и нерабочие. Идея с конкурентной борьбой – рабочая, её опробовали уже не раз, не на одном поколении курсантов. Такого рода соперничество – превосходный стимул для юных магов заниматься развитием своих энергетических контуров, уж поверьте. Да, на вашу с господином Юсуповым ситуацию это влияет не лучшим образом. Однако вы, господин Барятинский – белый маг не только по рождению, но и по выбору. Поэтому и обращаюсь я именно к вам, как к взрослому здравомыслящему человеку. Постарайтесь свести на нет конфликты с господином Юсуповым. Образно говоря, сейчас вы стоите довольно высоко, и мне бы очень не хотелось, чтобы вы упали. А говоря попростому, от чистого сердца – мне бы очень не хотелось видеть, как император разочаруется в вас.

«А заодно и в нас – преподавательском составе Акаде-

мии», – мысленно закончил я. Но вслух этого, разумеется, не сказал. Смотрел на корешки книг на полке передо мной. Какие-то магические труды на латыни, судя по всему.

– Господин Барятинский? – окликнул Белозеров.

– Приложу все усилия, – сказал я.

Белозеров кивнул:

– А большего я и не прошу.

– То есть, это всё? Я могу идти?

– Подождите. – Белозеров поморщился – дым защипал ему глаза – и вонзил сигару в пепельницу. – Ещё кое-что… Как уже сказал, о сегодняшнем инциденте от меня никто не узнает. Но я хотел бы вас попросить о встречном… одолжении, если угодно. Видите ли… Есть подозрения, что несколько курсантов собираются по ночам где-то на территории Царского Села. – Белозеров пытливо заглянул мне в глаза. – По сути, ничего страшного. Однако мы всё же находимся в непосредственной близости от императорского дворца, и хотелось бы видеть от наших курсантов больше дисциплинированности. Скажем так, было бы крайне неприятно, если бы Его величество, решив прогуляться ночью, наткнулся на стайку курсантов. Возможно, нетрезвых. Это… Полагаю, что такой позор не в их интересах.

– Да уж, пожалуй, – усмехнулся я.

– Если вам что-то известно о… такого рода сборах – прошу рассказать мне, – закончил Белозеров. – Я, разумеется, никому не скажу, что получил информацию от вас. И

не предприму никаких жёстких мер в отношении нарушителей. Курсантами мы не разбрасываемся – как вы, вероятно, уже поняли. Я просто хочу поговорить с этими молодыми людьми, не вынося разговор на всеобщее обсуждение. Гласность в данном случае – лишнее, как мне кажется.

Несколько секунд я размышлял. Сказать Белозерову, что у него под носом зреет заговор против императора? Сказать – и обрести союзника, который здесь, на территории академии, может, прямо скажем, немало…

Однако желание это было мимолётным и исключительно Костиным. Капитан Чейн решительно вытеснил Костю и сказал: «Тебе не давали полномочий вербовать союзников, Капитан. Приказ был – наблюдать, и ничего больше. Тем более, велика вероятность, что Белозерова действительно беспокоит всего лишь нарушение курсантами дисциплины. По сути Всеволод Аркадьевич – просто немолодой и не самый смелый дядька, который симпатизирует тебе лично и переживает за то, чтобы другие курсанты не влипли в неприятности. Вот пусть так пока и остаётся».

– Ничего об этом не знаю, – пожал плечами я. – Кроме того случая, когда из корпуса ночью выходила госпожа Алмазова. Но она была одна.

– О той её вылазке мы с вами уже имели беседу, – улыбнулся Белозеров. – Ну что ж, на нет и суда нет. Однако если узнаете…

– Непременно расскажу вам, – кивнул я. – Разрешите ид-

ти?

– Идите. – Белозеров встал и протянул мне руку. – Приятно было с вами побеседовать.

***

У большинства курсантов к середине семестра уже голова шла кругом от академической нагрузки. Мне тоже было немного не по себе от такого разнообразия, но приходилось справляться.

Первым слоем шли общеобразовательные предметы. Математика, физика, французский и английский языки, латынь, русская словесность, классическая литература, история, география. Потом – специальные магические предметы. На первом курсе эти сферы ограничивались магической теорией и энергетической практикой.

Даже этого было бы достаточно, чтобы занять двадцать четыре часа в сутках. А у нас, помимо перечисленного, были ещё танцы, фехтование, общая физическая подготовка и верховая езда.

При этом нужно было выделять время на домашнюю работу. Вот на этом-то многие и ломались. Сделать внятную домашку, у которой есть начало и конец, это одно. А медитация на энергетические потоки и чакры – совсем другое. Занятие не подразумевало получение ежедневного результата и имело скорее накопительный эффект. Вот многие этим и манкировали, бесконечно откладывая на завтра.

Я же не мог себе позволить уступать хоть кому-либо,

поэтому уделял своему энергетическому развитию каждую свободную минуту. Во время прогулки в парке, если мне удавалось отделаться от Полли, я скрывался в каком-нибудь укромном уголке, закрывал глаза и представлял, как энергия течёт по каналам, которые я видел на схеме, концентрируясь в чакрах.

Белозеров предупреждал, что поначалу никаких подтверждающих верный путь ощущений не будет. Работать приходилось с одним лишь воображением. И от дела постоянно отвлекали мысли вроде «а если я представляю неправильно?!» Самое сложное было – отделаться от этих мыслей и продолжать работу. Да, именно работу. Пусть даже со стороны это выглядело так, будто я сижу и ничего не делаю – может, вообще сплю.

«Со временем, – говорилось в методичке, – вы научитесь ощущать своё энергетическое тело и пронизывающие его потоки. Потом, постепенно, вы сможете ощущать его даже без специального сосредоточения, в каждую секунду своей жизни. Что в итоге даст вам возможность ощущать приблизительно свой магический уровень».

Что ж, это было бы неплохо, потому что в академии общее сканирование магических уровней проводили только два раза в семестр – в начале и в конце, чтобы отмечать прогресс курсантов. И, глядя на то, как весело и беззаботно стараются мои однокашники проводить свободное время в императорском парке, я понимал, что особого прогресса у них не

будет. Первый и второй курсы одолеет большинство. А вот после третьего пойдёт уже серьёзный отсев.

Были и исключения. К примеру, Андрей в усердии практически не уступал мне. Мишель тоже старался. Уж он-то как никто другой понимал риски. У него не было за плечами богатого рода, не было подушки безопасности, на которую можно было бы упасть в случае чего. Да, он получил невероятный шанс – его взяли в самую лучшую академию Российской Империи. Но если он вылетит отсюда, другие элитные заведения не выстроятся в очередь за перспективным учеником. Не самое паршивое реальное училище – это, пожалуй, всё, на что Мишель сможет рассчитывать.

Активно занимался саморазвитием и Рабиндранат. Собственно, у него было лишь два вида досуга – медитация и пухлый блокнот в кожаном переплёте с застёжкой, куда он постоянно что-то остервенело записывал.

– Что ты там пишешь? – спросил однажды я, застав его в парке за этим занятием.

Я предполагал вызвать Рабиндраната на беседу. Раз уж мы с ним проводили время вместе до моего знаменитого падения с моста, значит, были хорошими знакомыми. А за всё время обучения даже словом не перемолвились.

После того как Платон рассказал мне про амулет «Обмани судьбу», я частично снял с Рабиндраната подозрения в покушении, но он всё ещё оставался заговорщиком. Так что демонстративно избегать его было бы слишком подозрительно.

– Стихи, – коротко отозвался Рабиндранат, захлопнув блокнот.

Щёлкнула застёжка. Рабиндранат встал со скамьи и вызывающе уставился мне в глаза. Я изобразил дружескую улыбку и протянул руку:

– Я тебя вспомнил.

– Неужели? – Поколебавшись, Рабиндранат пожал мне руку.

– Ага. Тогда, на мосту, ты ведь был с нами.

– Был. А ты этого до сих пор не помнил? Потеря памяти?

– Она самая, – кивнул я. – Впрочем, ничего удивительного. Некоторое время я был считай что мёртв. Хорошо ещё, что в мозгу повредились только участки, отвечающие за память. Большая удача.

– Ну да, – подхватил Рабиндранат. – Ты запросто мог бы остаться «овощем» на всю жизнь. – Сочувствием в его словах и не пахло.

После недолгого неловкого молчания я указал взглядом на блокнот:

– Дашь почитать?

– Что? – удивился Рабиндранат.

– Стихи. Люблю хорошую поэзию.

Тут я ступил на скользкую почву. Потому что если вдруг Рабиндранат поймает меня на слове и затеет разговор о поэзии, то процитировать я смогу только Алкея, которого мы недавно начали изучать на занятиях по античной литерату-

ре. Есть ещё, конечно, матерные частушки про Концерны, но что-то мне подсказывает – к обсуждению такой «поэзии» Рабиндранат не готов.

– Сожалею, но – нет, – Рабиндранат хлопнул себя блокнотом по бедру. – Личное.

И, поклонившись, удалился.

Ясно, к беседе не расположен. Ну и ладно, я же не с целью набиться в друзья с ним заговорил.

Хотя, по правде говоря, пребывал в некоторой растерянности. Как продолжать разрабатывать этот кружок заговорщиков? Тупо следить за ними каждую ночь? Рано или поздно попадусь, не им – так наставникам. А мне нужны имена, нужно понимание того, что реально происходит на собраниях. Я, конечно, не буду на полном серьёзе сравнивать подростков-аристократов со своими собратьями-мятежниками, но мы-то уж точно умели вслух говорить одно – для возможной прослушки, – а жестами передавать совсем другое.

Мне нужен был свой человек в этом кружке. Либо нужно было войти туда самому. А для этого – завести дружеские отношения хоть с кем-нибудь из участников.

Поэтому я на всякий случай старался дружелюбно держаться со всеми. Кроме Жоржа Юсупова, само собой. С этим парнем мы уже явно не станем друзьями. Не поубивать бы друг друга до конца семестра – и то хлеб.

Перед сном я, как обычно, уселся на стул, выпрямил спи-

ну и сосредоточился на своей энергетике. От постоянных упражнений ум сделался более покладистым и теперь послушно представлял, как два энергетических потока струятся через моё тело: один вверх, другой – вниз. По капиллярам энергия текла к чакрам и наполняла их. Семь очагов энергии, каждый из которых можно будет в перспективе раздувать, если возникнет такая необходимость.

Пока что я лишь воображал эти чакры, но уже не мог с уверенностью говорить, что дело ограничивается одним лишь воображением. В методичке этот момент был как-то невнятно описан. Как отличить воображаемые чакры от настоящих?..

– Костя! – вдруг послышался шёпот.

Глава 4. Подарок

Я открыл глаза, мгновенно выдернув себя из транса, и поднял голову. Увидел Мишеля. Его всклокоченная голова торчала над перегородкой. Было темно, но благодаря своему особенному зрению я сразу заметил, что физиономия у Мишеля – несчастнее не придумаешь.

– Что случилось? – резко спросил я.

– Что ты делаешь? – одновременно спросил Мишель.

– Вообще-то есть правила приличия, – сказал я, не в силах скрыть раздражения. – То, что между нами нет глухой стены, ещё не значит, что нужно заглядывать, когда тебе заблагорассудится. Я тренирую энергетические каналы.

– Ох, извини, – ещё больше сник Мишель. – Я… Я не подумал.

– Проехали, – смягчился я. – Ты чего такой кислый?

Мишель оглянулся, будто опасаясь, не подслушивает ли сосед, так же высунувшись над перегородкой, но всё было чисто.

– Костя, завтра у Аполлинарии Андреевны именины!

– А, да, – вспомнил я.

– Ты что – забыл?! – вытаращил глаза Мишель.

Подумаешь, забыл про именины своей «невесты». Большое дело! Ну ладно, хорошо, стыдно, стыдно. И так голова вечно забита, как помойный бак. А тут ещё праздники ка-

кие-то…

– Не забыл, а запамятовал, – буркнул я.

– У меня беда! – Мишель чуть не плакал. – Я раздобыл для неё подарок, но после того, что она сказала сегодня за завтраком…

– А что она сказала за завтраком?

Мишель вытаращился на меня, как на внеземную форму жизни. Господи, да вот ещё я не забивал себе голову всем тем, о чём трещит, не умолкая, Полли! Это ж всё равно что учить наизусть радиопередачи. Кстати, не самое глупое сравнение – учитывая, что Полли тоже время от времени проигрывает музыку, встречаясь со мной.

– Она ведь собиралась отказаться даже от кофе со сливками!

– Ну, сегодня – да, – согласился я. – А завтра решит, что ей необходимо в день выпивать четыре литра молока альпийских коз.

Но Мишель меня не слушал. У него голова была забита переживаниями.

– Я уже купил Аполлинарии Андреевне подарок, – с убитым видом продолжил он, – а теперь вижу, что этот подарок будет просто издевательством, глумлением, плевком в лицо…

– Тихо-тихо! – Я встал и потянулся, разминая кости. – Что же ты ей купил такое? Жёлтый билет?

Мишель побледнел:

– Да как ты можешь?..

– Да я-то много чего могу, – буркнул я. – Мне не понятно, как подарок, сделанный от души, может быть плевком в лицо. Показывай, что там у тебя.

Мишель показал. Я хмыкнул, держа в руках коробку шоколадных конфет. Судя по золотым вензелям, качеству упаковки и надписи «ручныя работа» – весьма недешёвых.

– И что не так? – спросил я.

– Ну как же ты не понимаешь! – Мишель за перегородкой аж подпрыгнул. – Аполлинария Андреевна ведь решила… следить за весом!

Я буквально за язык себя поймал, чтобы не сказать, что вес в Аполлинарии Андреевне сосредоточен строго в тех местах, где он более всего уместен, и, как по мне, ничего в этих местах корректировать не нужно. Хорошо, что поймал. А то дело бы закончилось дуэлью. Самой идиотской дуэлью за всю историю этой славной традиции.

– Беда, – согласился я. – И что думаешь делать?

– Я не знаю! Думал, может быть, ты посоветуешь.

Н-да, ситуация – за гранью маразма. У меня спрашивают совета, как ловчее охмурить мою невесту. Ну, сам затеял, самому и расхлёбывать. Чего с них со всех взять…

– Ладно, – сказал я, – давай меняться.

– В смысле?

– Ты мне – конфеты, а я тебе… Погоди!

Пусть я и запамятовал о том, что именины у Полли зав-

тра, но подарок выбрал заранее, ещё в прошлый свой визит в город. Посоветовавшись с Надей, купил изящную золотую брошку. Некоторые курсантки позволяли себе неброские украшения, и на это наставники и преподаватели смотрели сквозь пальцы.

– Но это же целое состояние! – ахнул Мишель, открыв коричневую бархатную коробочку. На атласной подкладке лежала брошь в виде стрекозы, с телом из янтаря.

– Да ну, какое там, – поморщился я. – Не забивай голову.

– Но…

– Слушай, Мишель! – не сдержался я. – Дают – бери! Бьют – уби… эм… Беги! Не усложняй ситуацию, в общем.

«…она и без того идиотская», – закончил мысленно.

– Но я не могу… Это ведь не мой подарок…

– Господи, ну напиши ещё стихи!

– Стихи? – совсем обалдел Мишель.

– Угу. Вся ночь впереди. Только рифмы сам ищи, ладно? Уж в этом обойдись как-нибудь без моего участия. И, пожалуйста, не вслух. Я – спать.

И я демонстративно принялся расстилать постель. Когда повернулся вновь, головы Мишеля над перегородкой не было. Зато на потолке над его комнатой виднелось пятно света от какой-то простенькой бытовой магии. Вскоре послышалось шуршание карандаша по бумаге. Я только головой покачал. И где мои шестнадцать лет… А, да. Вот же они.

***

Беспокойство о лишнем весе не помешало Полли навернуть кусок торта со взбитыми сливками, украшенного фигурками из шоколада и марципана, который появился в нашей столовой неизвестными путями. Я сильно сомневался, что местных поваров озадачили такой сложной выпечкой. Скорее уж произведение кондитерского искусства доставили по приказу госпожи Нарышкиной-старшей.

Как ко всему этому относятся наставники и преподаватели, выяснить тоже не получилось. Они подозрительно быстро исчезли из столовой.

– Слабости, – сказал Андрей, понуро тыкая ложечкой доставшийся ему кусок.

Разрезала торт лично именинница, и куски получились очень разного размера. Тем, что выпал на долю сурового аскета Андрея, можно было спасти от голодной смерти пару африканских деревенек.

– Да ладно, иногда можно, – сказал я. – Главное, чтобы правило и исключение не менялись местами.

– Я говорю не о себе, а о тех, кто по долгу службы должен блюсти строгие порядки в Академии, – возразил Андрей. – Официально никаких празднеств, кроме академических, тут проводиться не должно. Однако когда среди курсантов – отпрыски самых знатных родов, приходится на многое закрывать глаза. Не поощряют, но и открыто не возражают… Послушай, я, наверное, ускользну тихонько. Мне здесь не место.

– Полли расстроится.

– Ты полагаешь? – скривился Андрей. – Действительно думаешь, что она заметит?

С его стороны тут не было никакого «интересничанья», он правда хотел слинять, но при этом не испортить отношений с именинницей. Как-никак, мы все работали в одной команде на Игре, и это нас некоторым образом связывало.

– Не знаю, – честно признался я. – Но возможно.

Андрей вздохнул, однако тут же взял себя в руки. Изобразил улыбку, чтобы не было похоже, будто он присутствует на похоронах.

Я же на самом деле не мог сказать, как отреагирует Полли на его отсутствие. Могла не заметить, могла тут же удариться в слёзы. Её импульсивная натура была в должной степени непредсказуемой.

Моё внимание привлекал мучающийся Мишель. Полли как-то незаметно устроила из небольшого торжественного ужина, проходящего в полусекретной обстановке, полноценный приём в свою честь. «Гости» рассредоточились по столовой, а виновница торжества вдохновенно порхала от группки к группке, поддерживая светскую беседу.

Мишель ни в какую группку не вошёл, а кроме того, судьба постоянно располагала его так, чтобы в поле зрения своей возлюбленной он не попадал. Хотя очень старался. Эта гонка без правил продолжалась уже минут пять.

– Ты ведь не собираешься на ней жениться, – сказал вдруг

Андрей.

Я непроизвольно вздрогнул, огляделся. Поблизости не было лишних ушей, но всё же я незаметно поставил завесу от подслушивания.

– Скажу тебе по секрету: я вообще пока не собираюсь жениться.

– В таком случае, с твоей стороны было бы благороднее прямо сказать об этом Полли, а не пытаться свести её с Мишелем. На мой взгляд, разумеется. Извини за то, что вторгаюсь в приватность.

– Я не давал Полли никаких обещаний.

– И, тем не менее…

– Андрей! – вздохнул я. – Не капай на мозги, а? Может, я её таким образом испытываю. Когда мы закончим академию, мне действительно понадобится создать семью. И я бы хотел, чтобы моей избранницей была женщина, на которую я смогу положиться, как на самого себя.

Сказав это, я понял, что сказал правду. Не было у меня никакого предубеждения против Полли. Ну, кроме, разве что, того крохотного нюанса, что я был больше, чем в два раза, старше её. А так – на Игре она себя проявила просто великолепно, в качестве боевого товарища вполне себе работала. Внешностью её бог уж точно не обидел, ровно как и положением в обществе. Так что через пять лет – как знать?..

Но не сейчас. Уж точно – не сей-час.

– Мысль разумная, – признал Андрей. – Хотя воплоще-

ние, на мой взгляд – не очень. Ты не будешь возражать, если я приглашу Полли на танец?

– С чего бы мне возражать, – проворчал я. И опомнился. – Погоди. Ты думаешь, будут ещё и танцы?!

– Ставлю двести отжиманий на то, что будут.

– Двести отжиманий для тебя – не проигрыш.

– Твоя правда, – подумав, согласился Андрей. – Тогда так: если танцев не будет – я таки съем этот кусок торта.

– Принято, – кивнул я и убрал магическую завесу.

Сам со своим куском торта уже разделался. Это истинным отпрыскам аристократических родов нужно было себя ограничивать. А я в душе всё ещё был Капитаном Чейном, командиром повстанцев. И для меня калории были не врагами, а друзьями. Есть возможность перекусить – используй её. Чёрт знает, когда в следующий раз доведётся.

Кроме того, обмен веществ в моём молодом теле происходил с головокружительной быстротой, и за фигуру уж точно переживать не приходилось. Скорее наоборот – обильное питание помогало набирать мышечную массу.

Я подошёл к столу поставить тарелку, как вдруг с якобы пустого стула донёсся знакомый низковатый голос:

– Не очень-то вы любезны, господин Барятинский.

Я дёрнулся и уставился на стул.

Нет, это была не невидимость. Скорее что-то вроде отвода глаз. Я просто до сих пор упорно не замечал сидящую на стуле Кристину с подарочной коробкой на коленях – а это

совсем на меня не похоже.

– Используете магию на территории академии, госпожа Алмазова? – буркнул я. – Разве это не против правил?

– Это – родовая защитная магия, – очаровательно улыбнулась Кристина. – Кого-то она защищает от падения с высоты, кому-то помогает быть незаметным. Занятно, господин Барятинский: от вас куда проще укрыться в людном месте, чем в ночном саду.

– У вас прекрасно получается и то, и другое, – холодно сказал я и бросил на стол звякнувшую тарелку. – Что вы тут делаете, госпожа Алмазова?

Кристина вскинула брови:

– Не знала, что для посещения общей столовой нужно сначала получить приглашение госпожи Нарышкиной или её жениха.

– Вы не ответили на вопрос.

Глаза Кристины нехорошо сверкнули:

– Да с чего ты взял, что я собираюсь отвечать на твои вопросы? – прошипела она. – Кто ты такой?

В этот момент меня тоже немного перемкнуло, и я, наклонившись к ней, в тон ответил:

– Я – тот, кто через несколько лет будет решать судьбы чёрных магов. Рассчитывать, сколько из них нужно держать на цепи, чтобы соблюсти баланс, а сколько можно спокойно списать по статье «утилизация». Цепь у меня, к слову, уже есть. И ты с ней знакома более чем близко.

Кристина побледнела. Пожалуй, в первый миг она даже испугалась, но тут же взяла себя в руки и покраснела от ярости. Ещё секунда – и, возможно, вцепилась бы мне в лицо зубами и ногтями, а то и шарахнула чем-нибудь магическим. Но тут раздался радостный крик Полли:

– Подарки! Пришло время дарить подарки, господа!

Взяв себя в руки, Кристина потянулась куда-то назад и вдруг сунула мне коробку конфет, полученную от Мишеля.

– Не забудьте свой подарок, господин Барятинский, – сказала она голосом, пропитанным ядом. – Полагаю, это – максимум, на который рассчитано воображение белых магов, чтобы получить расположение девушки?

– Белым магам нет нужды покупать расположение девушек, – парировал я. – Девушки падают в наши объятия, подчиняясь своим собственным желаниям. Вам ли не знать, – и отвернулся.

Шагал к Полли, погружённый в грустные мысли. Ну вот… Собирался же всем улыбаться, наводить мосты! А Кристина, между прочим, с гарантией состоит в кружке заговорщиков. «Манифест», найденный у неё в комнате – материальное тому подтверждение.

То, что на собрании, за которым я наблюдал, своё присутствие Кристина никак не обнаружила, не означает, что её там не было. Я ведь, строго говоря, никого из заговорщиков не видел в лицо, только слышал их голоса. А Кристина могла сидеть, не подавая голоса. Она и вообще-то не слишком раз-

говорчива. А могла на собрании вовсе не присутствовать. Если Кристина – и есть тот самый внедренный агент, если это никакой не преподаватель и не наставник, то в таком поведении нет ничего удивительного. Подпольную деятельность она ведёт по всем правилам – скрытно, лишний раз не высовываясь.

Эх-х. А вот сам-то я только что дал маху. И то, что Капитан Чейн – не разведчик, а боец, – слабое оправдание. Задача поставлена, время на подготовку было. Но Кристина застала меня врасплох, и пожалуйста – Костя Барятинский, с его подростковым гонором, взял верх над Капитаном Чейном. Прав был дед: это работа не для обычных курсантов. Надо взять себя под контроль, причём – жёстко.

Полли между тем окружили подруги – как белые, так и чёрные маги. Несмотря на дух соперничества, друг друга маги разных цветов совсем не чурались. Однако придерживались принципа «дружба дружбой, а служба службой».

Дарили, в основном, книги. Не так уж много было разрешённых вещей в Академии, и никому из друзей не хотелось подставлять именинницу. Полли добросовестно ахала и говорила пару добрых слов по поводу каждого подарка. Я ею в этот момент восхищался. У меня бы кроме «спасибо» других слов не нашлось. Надеюсь, тут не обязательно устраивать пирушку в честь своих именин. Я бы, во всяком случае, предпочёл это избежать. Может быть, попаду в карцер накануне – было бы крайне удачно. И, кстати, при моём активном об-

разе жизни – вполне реализуемо.

Я держался позади Полли, так что она меня не видела. Зато я прекрасно видел Мишеля, пошедшего в лобовую атаку. Лицо у него при этом было таким, словно он действительно нёсся один, размахивая саблей, на сомкнутые ряды противника. На месте Полли я бы, наверное, испугался и выставил Щит.

И-и-и – вот он, торжественный момент. Полли взяла коробочку с брошью и ахнула, как полагалось по этикету. Потом – развернула сложенный листок почтовой бумаги (у Мишеля элементарно не осталось времени на то, чтобы купить открытку) и пробежала написанный текст глазами.

Прижав листок к груди, Полли что-то сказала, от чего Мишель весь зарделся. Потом листок переместился в карман форменного платья, а Мишелю дозволили поцеловать руку. Ну, вроде бы неплохо прошло…

Полли поставила коробочку с брошью на стол, к остальным подарками, и повернулась ко мне.

– Поздравляю, Полли, – сказал я, небрежно протянув конфеты. – Желаю тебе всегда быть такой же краси…

Полли не дала мне договорить. Она взвизгнула, подпрыгнула и захлопала в ладоши.

– Костя! Это же мои самые любимые конфеты! Как ты узнал?!

…

На Мишеля я старался не смотреть. И без того чувствовал

исходящие от него волны чернейшей и мрачнейшей безысходности. Эти волны, казалось, могли аннигилировать всю Академию, а может быть, и императорский летний дворец в придачу.

В добавок ко всему, зазвучала музыка. Тот самый невидимый оркестр, что сопровождал госпожу Нарышкину в моём присутствии. Благо, уже не каждый раз, а лишь в моменты сильных душевных переживаний. Вот как сейчас.

– Я знала, что вы любите музыку, Аполлинария Андреевна, – раздался вдруг совсем близко голос Кристины. – Думаю, мой подарок тоже придётся вам по сердцу.

С этими словами она поставила на стол коробку, перевязанную алой лентой. Полли с удивлением посмотрела на Кристину (музыка стихла), потом – на коробку.

– Благодарю вас, эм… Госпожа Алмазова. Прошу прощения, не знаю вашего отчества.

– О, вы можете называть меня просто по имени, – любезно улыбнулась Кристина. – К чему церемонии? Мы ведь все здесь в одинаковом положении и все должны быть друзьями.

Полли озадаченно переминалась с ноги на ногу. Кристина кивнула на коробку:

– Не хотите открыть?

– О, разумеется…

Сбитая с толку Полли развязала ленту, подняла крышку и ахнула. Я только хмыкнул. Внутри коробки находился портативный проигрыватель, на котором уже стояла пластинка.

– Но ведь… Это же… Нельзя? – полувопросительно сказала Полли.

– Помилосердствуйте, госпожа Нарышкина, – снова улыбнулась Кристина. – Неужели хоть кто-то, услышав музыку из вашей комнаты, заподозрит вас в нарушении? Особенности вашей родовой магии слишком хорошо известны.

Полли покраснела, а я отметил для себя тот факт, что Полли, оказывается, «музицирует», даже когда меня нет рядом. Интересный момент. И ещё более интересно, чем она при этом занимается?.. То есть… Нет, я ничего такого не имею в виду. Мне правда интересно, от чего зависит срабатывание магии. А ещё очень интересно, для чего на самом деле в столовой появилась Кристина. Неужели и правда захотела поздравить Полли – которую вполне явственно терпеть не может? Что-то я сомневаюсь…

Полли же интересовал совершенно другой вопрос.

– А что за запись на пластинке? – спросила она, разглядывая виниловый диск.

– Это джаз, – улыбнулась Кристина. – Очень модное музыкальное направление. Вы, вероятно, слышали…

– Конечно! – взвизгнул кто-то из девчонок. – Давайте, давайте же скорее поставим пластинку!

А меня тронули меня за локоть. Я обернулся и увидел Андрея. Он с торжественным видом продемонстрировал мне тарелку с нетронутым тортом.

– Правда! – воскликнула Полли. – Давайте послушаем му-

зыку, господа! И начнем, наконец, танцевать!

Глава 5. Аделаида

За тридцать шесть лет предыдущей жизни я успел идеально выдрессировать свой организм. Капитан Чейн засыпал и просыпался тогда, когда было нужно ему. Соответственно, таких слов, как «бессонница», попросту не знал. Сейчас, в новом мире, мозг и тело Кости Барятинского я старался приучить к тому же.

Дело шло со скрипом – всё же организм мне достался довольно изнеженный. Мозг Кости активно пытался перед сном заново прокрутить какие-то моменты прожитого дня, предаться мечтам и воспоминаниям – но, тем не менее, потихоньку шло.

Я успел приучить себя засыпать не позже, чем через двадцать минут после объявления отбоя. Хотя привычку Капитана Чейна просыпаться от любого подозрительного шороха «отключать» не стал. И сегодня эта привычка сработала. Я проснулся едва ли через час после того, как заснул.

«Пудреница», изъятая у Кристины, лежала в кармане моего кителя. А проснулся я оттого, что китель, висящий на стуле, издал негромкий, странный звук. Что-то внутри него как будто звякнуло.

Я сел на кровати. Отчего-то не удивился – видимо, подспудно ждал от «пудреницы» необычного поведения. И не ошибся.

Вынув коробочку из кармана и открыв, я увидел, что «клавиатура» подсвечивается, а зеркальце помутнело и на нём появились буквы.

Короткое, в одну строчку, сообщение:

«Доложитѣ обстановку, лѣйтѣнантъ».

Самому требованию доложить обстановку я, после странного поведения пудреницы, почти не удивился. А вот обращение «лейтенант» – адресованное шестнадцатилетней девушке! Это меня удивило.

Хотя, казалось бы. Я ведь сам принял командование отрядом в пятнадцать лет. Воинских званий в Сопротивлении не присваивали, но, если судить по количеству людей, которые мне подчинялись – звание лейтенанта я, возможно, даже перешагнул. Сейчас, кстати, вдруг понял, что первой моей реакцией было возмущение – какой я, к чертям, лейтенант? Что за обращение к капитану?!

Усмехнулся про себя – реакция принадлежала не мне, а Косте Барятинскому. Забавный он всё-таки паренёк… Ладно, пока чёрт с ним, с Костей. На повестке дня у нас лейтенант – хотелось бы, кстати, знать, какого рода войск, – Кристина Алмазова.

Неожиданно, прямо скажем. Справедливости ради, вникать в устройство государственной системы этого мира я начал не так давно. Мне ещё многое предстояло изучить. Но отчего-то грызли смутные сомнения по поводу того, что несовершеннолетние девушки в звании лейтенантов в этой

стране – в порядке вещей…

Хотя, нет. Стоп. Спрашивается, а с чего я взял, что Кристина работает на свою страну? С того, что мы с ней вместе учимся в Академии?

О внешних врагах Российской Империи мне пока известно лишь то, что таковые существуют. Рассказывая о документе, обнаруженном разведкой, дед даже не сказал мне, где именно эта разведка работала. Но, тем не менее. Если враг существует – логично, что существуют и его разведчики во враждебном лагере. И если бы речь шла о взрослом человеке, я не удивился бы ни на секунду.

Но – шестнадцатилетняя девочка?..

Спокойно, Капитан Чейн, – приказал я себе. – То, что Кристине шестнадцать, и то, что она тебе нравится – ну да, нравится, уж наедине-то с самим собой можно быть откровенным, – логическим рассуждениям мешать не должно. Она мне и нравится-то, кстати, больше всего потому, что напоминает меня самого. Чувствую я с этой девушкой некое родство душ. Какая-то она… на фоне того, что меня здесь окружает, слишком решительная, что ли. Упрямая. И почему-то кажется, что не с золотой ложкой во рту родилась.

Это во-первых. А во-вторых, кто сказал, что если мой дед сумел призвать в свой мир представителя другого мира, то этого не смог сделать кто-нибудь другой? Что мой случай был единственным? Вполне допустимо, что Кристина может оказаться таким же «лейтенантом», как я – капитаном Чей-

ном.

О Кристине я, к слову, почти ничего не знаю. Даже её биографией не удосуживался пока озаботиться всерьёз. Надо будет заняться этим вопросом. Позже. А сейчас – время решить вопрос насущный.

«Доложитѣ обстановку, лѣйтѣнантъ».

Человек, написавший сообщение, вряд ли будет долго ждать – чёрт знает, какие у него инструкции. Реагировать надо быстро.

«Бѣзъ измѣнѣній, – отбил я самый нейтральный ответ из всех возможных. – Продолжаю вѣсти наблюдѣнія».

Пальцы не сразу удалось приспособить к крошечной клавиатуре, у Кристины это наверняка получалось не в пример лучше. Ну да, лиха беда начало. Ждём, что будет дальше. Либо объявят «конец связи» – а весь мой опыт говорил о том, что при такого рода общении его непременно должны обозначить, – либо…

Либо.

«С КБ проблѣма рѣшена?» – новый вопрос.

Ого. Да я, Константин Барятинский, оказывается – серьёзного уровня проблема. По крайней мере, других идей, что может означать «КБ», у меня нет.

«Такъ точно, – отрапортовал я. – Рѣшена».

Подумав, что объективно – в данный момент я действительно никакой проблемы из себя не представляю. Затихарился и сижу спокойно, не высовываюсь.

Что изобретал бы дальше, если бы вопросы продолжились – представления не имею. Но, к счастью, на экранчике мигнуло:

«Благодарю за службу. Конѣцъ связи».

Я удержал себя от ответного «Служу Отѣчеству». Лучше уж не отвечать ничего, чем ответить не по форме и тем самым вызвать подозрения.

Судя по всему, правильно сделал. «Зеркальце» светилось ещё несколько секунд, после чего погасло.

Я закрыл крышку пудреницы. Откинулся к стене, побарабанил по крышке пальцами. Что ж, если бы мне и требовалось материальное подтверждение того, что на территории Академии зреет заговор – оно у меня в руках.

Вопрос, что делать с этим доказательством, не стои́т. То же, что и собирался – покажу пудреницу деду, возможно, он знаком с подобными устройствами. Выпускать эту вещицу из рук нельзя ни в коем случае. Я ведь понятия не имею о графике сеансов связи. Вполне возможно, что никакого графика вовсе нет. Кристину вызывают по необходимости – стараясь, разумеется, делать это в часы, когда она остаётся в одиночестве. А значит, вызов может поступить когда угодно.

Сегодня – четверг. Я посмотрел на будильник. Да, уже четверг. Десять минут первого. А значит, до встречи с дедом осталось три дня. В субботу вечером за мной приедут. Надеюсь, до тех пор на мою драгоценную особу не совершат ещё десяток покушений.

***

В субботу после вечерних занятий я накинул шинель и вышел на главную аллею Царского Села. Как-то сама собой сложилась традиция, что приезжали за мной не к воротам Академии, а к боковому выходу из парка. Здесь проходила дорога, отделяющая Царское Село от другого парка, Александровского.

Идеальное место. С одной стороны, удобно подъехать на машине. С другой – я не мозолю глаза ни академическому начальству – которое, конечно, закрывает глаза на мои отлучки, но делает это крайне неохотно, – ни другим курсантам. Многие из которых, кстати, с тех пор, как поступили в Академию, дома не были ни разу. Ректор в своих речах постоянно упирал на то, что на годы учёбы настоящим домом для нас должна стать Академия. Только так получится воспитать в её стенах истинное братство и товарищеский дух.

На мой взгляд, требование было вполне резонным, и в обычное время я бы сам препятствовал тому, чтобы так нахально выделяться из толпы курсантов. Сколько себя помню, никогда не требовал особых преференций. Всю жизнь хлебал из одного котелка со своими бойцами, ночевал бок о бок с ними. Но – что поделать. Не обсуждать же наши с дедом непростые дела в холле жилого корпуса…

Я шагал по аллее. Холода надвигались всё стремительнее. Государь, по слухам, уже отбыл в Зимний дворец.

Обычно в это время на аллее я никого не встречал. Осень,

темнеет рано. Да и погода, чем дальше – тем хуже. Курсанты перед единственным выходным предпочитали собираться в общей зале, где приветливо горел камин, ходить друг к другу в гости или сидеть в библиотеке, погрузившись в интересную книгу. В парке было темно и пустынно.

Оно и хорошо. Для меня – то, что надо.

Одинокая фигура, которую я заметил на скамейке на боковой аллее, кого-то другого, вероятно, просто удивила бы. Меня же, после всего того, что происходило вокруг, она насторожила.

Кто это? Почему – один? И что делает в такую погоду в парке? Мёрзнет на ледяном ветру?

Я решительно изменил направление. К сидящему на скамейке приблизился так, чтобы он меня не заметил.

Фигура была закутана в тёплую меховую накидку с капюшоном. По этой накидке я понял, что на скамейке сидит девушка – парни-курсанты с наступлением холодов носили шинели. Впрочем, и не будь накидки, я бы понял, что передо мной – девушка. Заниматься тем, чем занималась она, у парней не очень принято. Девушка плакала.

Делала она это негромко и деликатно, но в тишине пустынного парка я отчётливо слышал каждый звук. Подумав, вернулся на аллею и пошёл, громко шаркая ногами – чтобы девушка увидела меня издали. Если напугаю её, внезапно выскочив из-за дерева, есть вероятность не успокоить барышню, а добиться прямо противоположного эффекта.

Девушка, как и ожидал, меня услышала. Перестала плакать и торопливо принялась, не снимая очков, вытирать слёзы. Для того, чтобы как только я пройду мимо, продолжить реветь, ага. Знаем мы эти фокусы.

Остановившись напротив скамейки, я вежливо поклонился. Девушка, помедлив, кивнула.

– Прекрасная погода, не правда ли? – светским тоном проговорил я.

– …чудесная, – отозвалась она.

Говорила она так странно, будто первое слово в каждом предложении съедалось. Перед каждой её фразой отчётливо слышалась тишина. Плюс – негромкий голос, которого почти не разобрать на ветру.

Очередной порыв ветра как раз бросил в лицо новую порцию мерзкой, холодной измороси.

Действительно, погода – чудесней не бывает. Приличная собака от прогулки откажется. Из чувства сострадания к хозяину… Но когда это останавливало истинного аристократа от того, чтобы нести положенную по этикету чушь?

– Князь Константин Барятинский, к вашим услугам, – представился я.

– А… – Девушка запнулась. – …Аделаида. Меня зовут Аделаида. – Фамилию она не назвала.

– Очень приятно. – Я поцеловал протянутую руку.

Ладошка на ощупь показалась ледяной.

– Могу узнать, что вас так расстроило?

– …ничего, – сказала Аделаида, глядя мимо меня. – Ровно ничего. Почему вы думаете, что я расстроена?

– У вас грустные глаза, – выкрутился я. Не говорить же открытым текстом, что слышал, как ревела. – Проблемы с учёбой?

Исходил из простой логики: какие ещё проблемы могут быть у курсантки? Либо учёба, либо отношения. Но спрашивать у незнакомой девушки об отношениях точно не стоит.

– …с учёбой? – задумчиво повторила она. – Проблемы… С учёбой… – глаза Аделаиды снова подозрительно заблестели.

А я вспомнил о том, что недавно в Академии определяли магический уровень курсантов. После этого многие ходили, как мешком прибитые. Такие нежные создания, как Аделаида, от этой процедуры, видимо, до сих пор не отошли. Своих однокашников, как парней, так и девушек, я за прошедшее время успел изучить, почти всех знал в лицо. Аделаиду не помнил. Со второго курса, наверное.

– Магический уровень – ерунда, – авторитетно заявил я. – Те цифры, которые нам озвучили на уроке, вообще ни о чём не говорят. Не стоит из-за них так расстраиваться.

Аделаида вздрогнула – видимо, я угадал.

– …не стоит расстраиваться? – Аделаида подняла на меня взгляд. – …откуда вы знаете… …из-за чего мне стоит расстраиваться…

Было что-то гипнотическое в звучании её голоса. Я поне-

воле прислушивался, буквально впитывая каждое слово.

– Вы ведь, наверное, белый маг, – предположил я. – У нас у всех сейчас не лучшие времена, знаете…

Тут я немного покривил душой. Потому что мне-то было грех жаловаться, я в Академии превосходил даже чёрных магов. Но ей-то об этом знать не обязательно. Хотя, конечно, списки висят у всех на виду…

На Аделаиду мои слова не произвели впечатления. Она снова отвела взгляд. Молчала так долго, что я уж было подумал – аудиенция окончена. Но вот вновь зазвучал её отстранённый голос:

– …мой отец – очень сильный белый маг… …а я не могу похвастаться даже первым уровнем… …говорили, что это возрастное… …что это пройдёт… …мне скоро восемнадцать… …и что же?..

– Что? – вежливо спросил я.

– …ничего, – откликнулась Аделаида и показала мне руку, затянутую в перчатку.

Тонкая кожа была надорвана у запястья. Зацепить её таким образом по случайности вряд ли бы получилось. Перчатка выглядела так, словно её намеренно ухватили за край – например, зубами – и надорвали. Не удивлюсь, если именно так и было.

– …мой отец мановением руки может восстановить разрушенный дом, – сказала Аделаида. – …а я?.. … даже перчатку… …видите?..

Я, подумав, сел на ледяную скамейку рядом с ней. Справедливости ради – умением утешать барышень в прошлой жизни похвастаться не мог. Здесь же, обзаведясь сестрой-близнецом, находящейся в ранимом подростковом возрасте, я волей-неволей освоил ещё и это искусство.

– Мне кажется, ваш отец слишком строг к вам, – сказал я. – То, что он – сильный маг, вовсе не означает, что вы непременно должны перенять его навыки.

– …отец?.. строг?.. – В голосе Аделаиды, наконец, зазвучала эмоция: удивление, но чтобы её различить, нужно было привыкнуть к её манере говорить. – …отец исключительно добр ко мне…

Тут я заметил, что возле Аделаиды на скамье лежит измятая, потрёпанная брошюрка. «Развитія магическаго уровня. Тѣорія и практика», – прочитал знакомое название.

– …просто я – бездарность, – закончила мысль Аделаида.

Впрочем, может быть, это была уже следующая мысль.

– …прошу простить мою порывистость… – почти прошептала Аделаида. – …я не должна была так откровенничать… …тем более с незнакомым человеком…

– Во-первых, мы с вами познакомились, – напомнил я. – Во-вторых, между позывами разорвать перчатку и начать биться головой о стену однозначно стоит выбирать первое. Поверьте моему опыту: голова – предмет более ценный. И починить её сложнее, чем перчатку. Так что, с этой точки зрения, вы поступили совершенно правильно.

Мне показалось, будто уголки губ Аделаиды чуть дрогнули, попытавшись приподняться.

– А ещё, – взяв в руки брошюру, проговорил я, – у меня, например – восьмой уровень владения магией. Но, представьте себе – я не умею чинить ни перчатки, ни головы.

– …вы просто пытаетесь меня утешить, – сказала Аделаида.

– Отнюдь.

Техника, которая называлась Реконструкция, и которой в совершенстве владели Нина и Клавдия, с первого раза мне не далась. А продолжать попытки я не стал – не до того было. Решил, что на данном этапе этот навык – не то, что стоит изучать с особой настойчивостью.

– Щит, Белое Зеркало, активация личного оружия – пожалуйста, – продолжил я. Вытянул вперёд руку. По ней зазмеилась призрачная светящаяся цепь. – Видите?.. Но в Реконструкции я совершенно бездарен. Ваша горничная, полагаю, справилась бы с починкой перчатки куда ловчее меня.

Аделаида очевидно прислушивалась. В общении с такой странной девушкой это уже однозначно было кое-что.

– У меня есть сестра-близнец, – поспешил я закрепить успех, – и она по части Реконструкции тоже абсолютно бездарна. Зато умеет, например, изменять внешность. Недавно хвасталась, что освоила ещё и изменение голоса. Может быть, и вам стоит не упираться в единственный навык, а попробовать какие-то другие? Может быть, Реконструкция –

просто не ваша техника?

– …не моя техника? – задумалась Аделаида. – …вы так… полагаете?

– Я полагаю, что если вы ещё какое-то время посидите тут на холодном ветру, то схватите воспаление лёгких, – решительно поднявшись, сказал я. – Позвольте, я провожу вас в корпус.

– …в корпус? – Аделаида, кажется, удивилась. Но со скамейки встала. Поёжилась, запахнулась в накидку.

– Идёмте? – Я шагнул к ней, предлагая взять меня под руку.

Аделаида отшатнулась:

– …не стоит, право… …вы и так для меня слишком много сделали…

– Ничего особенного не сделал, – улыбнулся я. – Всего лишь предложил вам подойти к решению задачи с другой стороны. Не более.

– …тем не менее… …до вас мне никто ничего подобного не советовал…

– А вы пытались с кем-нибудь советоваться?

Аделаида задумалась. У меня возникло стойкое ощущение, что от меня пытаются отделаться, но не знают, как.

– Надеюсь, мы ещё увидимся, – светски улыбнулся я.

Молясь про себя, чтобы этого никогда не случилось.

Хватит с меня экзальтированных барышень! Тех, что уже есть – более чем достаточно. Одна Аполлинария Андреевна

Нарышкина чего стоит. Кстати, вот и причина, почему Аделаида отказывается от моего сопровождения. За дни, прошедшие с начала учёбы, многие из курсантов успели обзавестись если не отношениями, то уж приятными знакомствами – точно. Увидит некий пылкий юноша Аделаиду в компании со мной – потом бедная девушка проблем не оберётся. Кто, да что, да с какой стати увязался…

– …мы уезжаем… – пробормотала Аделаида.

– Уезжаете? – удивился я, не обратив внимания на это «мы». – Сейчас, в начале учебного года?

– …да. – Аделаида покраснела . – …но мы с вами обязательно увидимся…

– Буду ждать, – сказал я.

Поцеловал Аделаиде руку.

Она смущённо отвернулась. Плотнее запахнула накидку и устремилась по аллее прочь.

Со стороны бокового входа чуть слышно посигналили. Я прибавил шагу. Трофим, наверное, уже давно приехал.

Глава 6. Новости

– Это ещё что за новости? – нахмурился я.

У бокового входа в парк меня дожидался не Трофим.

За рулём незнакомой машины сидел Вова. Рядом с ним, на пассажирском сиденье – сияющая Надя.

– Владимир купил машину! – торжественно объявила Надя. – Ты только взгляни, какая прелесть!

«Прелесть» выглядела не новой, но внушающей уважение и весьма ухоженной. А зная Вову, можно было не сомневаться, что под капотом у этого красавца тоже всё в порядке. Однако данный аспект волновал меня меньше всего.

– А где моя машина? – спросил я.

Вова посмотрел на Надю. «Так и знал, что спросит», – прочитал я в его тоскливом взгляде.

Сияние Нади после моего вопроса тоже резко пошло на убыль.

– А зачем тебе машина? – пролепетала сестра. – Давай покатаемся на этой! Ты даже не воображаешь, на что способен этот красавец! Ты только взгляни, какой…

– Надя, – раздельно проговорил я. – Я задал вопрос.

Сестра отвела взгляд.

– Разбила? – припечатал я.

– Самую чуточку, – пробормотала Надя. – Ерунда, честное слово! Всего лишь немножечко поцарапала…

Я повернулся к Вове.

– Что там?

– Передний бампер под замену, – проворчал он. – Фара разбита, крыло помято… Да выправлю, ничего особенного. Не сомневайся, сиятельство.

– В тебе – не сомневаюсь ни секунды. – Я посмотрел на Надю. – Светофор?

– Да, – буркнула она. – Господин передо мной слишком резко затормозил! Я не успела ничего сделать.

– Или же кто-то был слишком занят переключением каналов в приёмнике, – сказал я. – А может, слишком громко подпевал очередному самому-самому любимому шлягеру.

– Ах, ну вот что ты, в самом деле! – Надя всплеснула руками. – Подумаешь, царапина! Если бы я владела Реконструкцией, починила бы мгновенно.

– Но Реконструкцией ты не владеешь, – заметил я. – И головой, судя по всему, тоже.

Надя фыркнула:

– Фи, Константин Александрович! Так волноваться из-за какой-то царапины… Право, я была о вас лучшего мнения.

– На царапину мне плевать. И не делай вид, что этого не понимаешь. Я беспокоюсь о тебе.

– Да я уж ей тоже говорил, – проворчал Вова. – Мыслимое ли дело – благородной барышне так носиться? Да ещё по сторонам не глядеть… Не слушает.

– Благородной барышне, вероятно, стоит немного отдох-

нуть от вождения, – буркнул я. – И подумать о том, что в следующий раз авария может быть куда серьёзнее.

– Перестань, Костя! Ничего со мной не случится!

– Я тоже так думал, когда прыгал с моста.

– И теперь дуешь на воду?

– И теперь принимаю все меры для того, чтобы род Барятинских продолжал своё существование как можно дольше. – Я оперся о капот. – Что ты сказала дома? Где моя машина?

– Сказала, что отогнала в мастерскую, чтобы заменили фары более яркими, – пробурчала Надя. – Ну знаешь, такие, модные…

– Знаю, что какое-то время тебе придётся покататься на пассажирском сиденье.

– Костя! – всплеснула руками Надя. – Прекрати занудствовать! Ты хуже Нины, честное слово!

– Очень на это надеюсь.

Я открыл дверь, уселся на заднее сиденье.

– Костя, – осторожно продолжила Надя, – ты же не всерьёз? Ты же позволишь мне брать машину, когда Вова её починит?

Угу. Владимир, оказывается, уже успел превратиться в Вову. Молодцы ребята, быстро управились.

– Нет. Не позволю. Месяц проведёшь без личного транспорта.

– Ну, и пожалуйста, – надулась Надя, – буду брать машину

Нины.

– Нину я тоже предупрежу.

– Костя! Это подло! Благородные люди так не поступают!

– А как они поступают? Позволяют единственной сестре разбиться насмерть?

– Это была случайность! Совершенно дурацкая случайность, никто не пострадал! Больше такого не повторится!

– Напомнить тебе о том, что было две недели назад?

Две недели назад Надя, уговорив Трофима дать ей отцовскую машину, лихо проскочила на красный свет оживленный перекресток. Кто-то из стоящих на перекрёстке запомнил номер, пожаловался в Ведомство дорожного движения – местный аналог автоинспекции, – и деду пришел по почте внушительный штраф.

Тогда я не стал вмешиваться, решил, что головомойки, которую устроил Наде дед, достаточно. Сейчас понял, что без моего вмешательства не обойтись. Если сестру не остановить, она так и будет носиться, как сумасшедшая. И неизвестно, куда приедет в следующий раз. Не исключено, что на тот свет.

– Тогда ты тоже говорила, что такое больше не повторится, – сказал я.

– И больше я, между прочим, на перекрестки не выскакиваю!

– Ах, ну да. Прости. Затормозить во впереди стоящую машину – это же совсем другое.

– Но, Костя…

– Надя, всё, – оборвал я.

Надя в ответ залилась слезами.

Да где ж я так нагрешил-то, Господи?! Вторая рыдающая барышня за полчаса – перебор, честное слово.

– Да ладно тебе лютовать, сиятельство, – сочувствующе глядя на Надю, вмешался Вова. – Пожалей сестрёнку. Вишь, как расстроилась?

– Вижу, – сказал я. – Поехали.

Вова не тронулся с места. Он смотрел на плачущую Надю.

– Костя! Ты не понимаешь! – прорыдала Надя. – На следующей неделе у Волконских – званый вечер. Старшая сестра Зиночки и её жених объявят о помолвке. Это, конечно, будто бы секрет, хотя на самом деле давно было ясно… Соберётся весь свет, пойми! Вообще все! Я уже всем своим подругам рассказала, что приеду к Волконским на твоей машине.

– Зачем? – изумился я. – Почему – на моей?

– Ну, Костя! – ответно изумилась Надя. – Как ты не поймёшь? Ты же – звезда! После Игры твои фотографии были во всех газетах. В обществе только и слышно – ах, как хорош этот молодой князь Барятинский!.. Мои подруги по тебе с ума сходят, все до единой! То, что ты сидишь в своей Академии и ничего не знаешь о светской жизни, не означает, что этой жизни нет… Костя. Пожалуйста. – Сестра обернулась ко мне с переднего сиденья, вцепилась обеими руками в спинку. – Я уже пообещала. Мне очень-очень нужна твоя

машина.

– Моя машина в ремонте, – напомнил я.

– Да это я быстро поправлю, – тут же вмешался Вова, – там делов-то – на два дня. Ерунда, ей-богу.

– Тебя может отвезти Трофим, – сказал я.

– Ну, Костя! – Надя всплеснула руками. – Трофим – это же вообще не то! Это будет выглядеть так, будто ты мне не доверяешь.

– Так я тебе действительно не доверяю. После всего, что ты натворила.

– Я больше не буду! – Надя умоляюще прижала к груди руки.

– Ты уже обещала деду, что больше не будешь.

– То – деду. А то – тебе. Это ведь совсем другое. – Надя серьёзно посмотрела на меня. – Если я приеду на вечер с Трофимом, это будет ужасный позор. Ты даже не представляешь, какой! Надо мной все будут смеяться. Понимаешь, все! Особенно эта мерзкая Софи Измайлова. Дня не проходит, чтобы она не проехалась по мне! Не намекнула, что я всё выдумываю, и на самом деле мы с тобой вовсе не так близки, как я рассказываю… По глазам вижу: тебе кажется, что это – глупости. – Надя шмыгнула носом. – После того, что с тобой случилось, ты стал таким ужасно взрослым… Раньше ты меня гораздо лучше понимал.

Ну… Да. Надо думать. Вникнуть в хитросплетения взаимосвязей молодых девушек-аристократок мне, тридцатише-

стилетнему солдафону, для разрешения любых конфликтов привыкшего применять простой и доходчивый аргумент – прямой в челюсть, действительно сложновато. Настоящий Костя Барятинский должен был понимать сестрёнку куда лучше, чем я.

Я же сделал для себя единственный вывод: взаимосвязи эти, судя по словам Нади – то ещё змеиное гнездо. Кто что сказал, да кто как посмотрел… Свихнуться можно. То есть, мне – свихнуться. А Надя варится в этом котле с раннего детства, она «в обществе» – как рыба в воде. И сейчас для неё, кажется, и впрямь жизненно важно прибыть на этот чёртов вечер за рулём моей машины.

– Я обещаю тебе, – прижав руку к груди, проговорила Надя. – Я клянусь, что с нынешнего дня всегда-всегда буду ездить осторожно. Поверь мне, Костя! Пожалуйста, поверь.

Я вздохнул. Посмотрел на Вову. Спросил:

– Пустишь её за руль?

– Пущу, конечно, – кивнул тот.

Складывалось впечатление, что Наде он не только доверит новую машину – подарит звезду с неба. Которую перед тем каким-то непостижимым образом достанет. И только потом Вова спросил:

– А зачем пускать-то?

– Хочу увидеть «осторожно» в действии, – буркнул я. – Грызут сомнения по части того, что слова «осторожно» и «Надежда Александровна Барятинская» можно поставить

рядом.

– Можно! – взвизгнула Надя. – Ещё как можно, вот увидишь!

Выпорхнула из машины.

Вова тоже вышел, уступив Наде водительское кресло. Сел на пассажирское, Надя уселась за руль. Демонстративно накинула ремень безопасности, посмотрела в зеркало заднего вида, в боковое. И лишь после этого тронулась.

Ехала чинно и важно, строго по разметке, посредине полосы движения. Включить радио даже не пыталась.

– Вишь, как старается? – прошептал Вова, обернувшись ко мне.

Я неопределенно пожал плечами. Дескать, вижу, но пока это ничего не значит. Хотя на самом деле решение уже принял.

Надю, похоже, никогда прежде не наказывали всерьёз. Грозили, конечно, разного рода карами, но приводить эти кары в исполнение не спешили. И сейчас она едва ли не впервые в жизни поняла, что провинность может привести к результату, о котором придётся очень серьёзно пожалеть. Впервые в жизни избалованная княжна Барятинская столкнулась не с попустительством обожающих её Нины и деда, а с жёстким отказом потакать капризам.

Если бы на кону стояло что-то менее значимое для Нади, я бы настоял на своём. В ближайший месяц за руль сестра бы не села. Но твёрдость тем и отличается от жестокости,

что твёрдость – разумна. Надя уже наказана достаточно. Я прочитал в её глазах настоящую панику. Огромный детский страх.

Лишиться моего автомобиля именно сейчас для сестры, похоже, и впрямь смерти подобно. В этом возрасте предпочтительнее сломать шею, прыгнув вниз головой с моста, чем терпеть насмешки так называемых подруг… Надя поняла, что я не шучу. Что я готов привести угрозу в исполнение. И, кажется, в кои веки осознала, что не всё и не всегда будет идти так, как хочется ей. Иногда для достижения цели приходится прилагать усилия. Чем она, собственно, сейчас и занималась.

– Как дела, сиятельство? – решил между тем завести светский разговор Вова.

Я мысленно усмехнулся. Как дела?.. Да, в общем-то, ничего особенного.

Узнал от Федота о странном заводе, умеющем работать в отсутствие рабочих. Обнаружил, что на территории Императорской Академии, буквально под носом у императора, действуют заговорщики, планирующие свержение верховной власти. Ночью, втайне проник в комнату малознакомой девушки. Произвёл там несанкционированный обыск. Изъял неизвестный современной науке прибор. Посредством этого прибора вынужден был выйти на связь неизвестно с кем… Ах, да. Ещё некто, также пожелавший остаться неизвестным, воткнул кинжал в «мою» спину. Но это, право, на фоне всего

остального – сущая ерунда.

– Да нормально, – отозвался я. – Сам-то как?

Вова принялся увлеченно рассказывать, как.

Я слушал и понимал, что в этом пареньке не ошибся. Он действительно чудесным образом сочетал в себе и талант мастерового, и предпринимательскую жилку. На деньги, при моём посредничестве полученные от Юсупова, Вова приобрёл автомастерскую и сейчас весь свой молодой азарт и силы тратил на неё. Ну и ещё, судя по тому, что я наблюдаю, на мою сестру. Хотя об этом Вова почему-то не рассказывал.

Надя вела машину – так бережно и аккуратно, будто сдавала экзамен по вождению на тонком льду. Я слушал Вову, а вместе с тем пытался вспомнить, что меня насторожило в разговоре с Аделаидой. Даже не насторожило, а удивило, что ли… Подозрений у меня эта девушка не вызывала. И всё же было в ней что-то необычное.

Что? Я пытался вспомнить, но, как ни старался, не мог. Бессилие раздражало. Возможно, поэтому, возглас Нади:

– Сумасшедший какой-то! – я услышал раньше, чем увидел «сумасшедшего».

По встречной полосе, действительно на сумасшедшей скорости, летел грузовик. Грязный. Фары выключены – в темноте, на неосвещенном шоссе, – номеров не видно…

Хваленое чувство опасности Капитана Чейна взвыло в полный голос и встало на дыбы. А в следующую секунду грузовик резко свернул на встречку. Теперь он нёсся по нашей

полосе. В том, что цель преследует единственную – лобовой удар с нами – сомнений уже не оставалось.

Шоссе – двухполосное, ширина обочин – курам на смех, а сразу за обочинами – тросовый отбойник. Вправо не уйти.

– Уходи влево! – заорал я Наде. – Быстро!!!

Сестренке надо отдать должное – при всех своих недостатках, она сумела не растеряться. На мой крик отреагировала мгновенно, ушла на встречную полосу.

– Что за… – мгновенно охрипшим голосом начал Вова.

Но договорить не успел.

Никто из нас уже ничего не успевал ни сказать, ни сделать. По встречке, куда выскочила Надя, в лоб нашей машине нёсся ещё один грузовик.

Глава 7. Смоляное чучело

Надя пронзительно завизжала. Справедливости ради, сложно было её за это упрекнуть. Ситуация казалась безвыходной: нас подло зажали в тиски. Обочины узкие, а обе полосы движения заняты несущимися на полной скорости грузовиками с камикадзе-водителями за рулём.

За те секунды, что оставались до столкновения, я постарался выплеснуть в Щит всю энергию, которая во мне была.

Удар. И тяжёлая, выдавливающая душу волна, прошедшая по Щиту.

В глазах у меня потемнело. Кажется, теперь я знаю, что должна испытывать крепостная стена при прямом попадании снаряда… С этой мыслью я потерял сознание.

…

Очнулся лежащим на асфальте. Вова и Надя вытащили меня из машины. Надя держала мою голову на коленях.

– Костя, – всхлипывала сестра, – Костя, очнись! Пожалуйста, очнись!

– Пожалуйста, – осознав, что снова могу говорить, прохрипел я.

Сестра издала странный звук – то ли визг, то ли писк, исполненный облегчения. С причитаниями бросилась меня целовать.

– Вова! Иди сюда! Костя очнулся!

Я осторожно выбрался из Надиных объятий и окинул взглядом поле боя.

Первого грузовика не видно. Тот грузовик, что мы увидели вторым, ожидаемо – морда всмятку, лежит поперек дороги. Наша машина – метрах в пяти от него, на первый взгляд, цела. Надя жива и здорова. Вова…

– Ты как? – крикнул Вове я.

Он сидел на корточках рядом с чем-то, напоминающим изломанную ростовую куклу. Водителя грузовика крепко приложило об асфальт.

Щит я выставил так, чтобы защитить свою машину. При столкновении удар пришёлся по нижней части грузовика. Водитель, судя по всему, вылетел из кабины через лобовое стекло. Шансов уцелеть в таких условиях – примерно ноль.

– Да я-то цел, – со странной интонацией проговорил Вова. – А вот этот… Ты можешь подойти?

Я поднялся. Догадывался, что подходить мне особо незачем – на трупы не насмотрелся, что ли? – но, раз уж Вова зовёт…

И тут чувство опасности взвыло вновь.

Я резко обернулся. И увидел вдалеке знакомый грузовик.

Шоссе, по которому удобно было срезать путь от Академии до Барятино (дед всё ещё продолжал упорно сидеть в имении, хоть и обещал каждый день, что вот-вот уедет) было, мягко говоря, не самым востребованным. За то время, что мы по нему ехали, встретили едва ли десяток машин. И

сейчас на дороге тоже не было никого, кроме несущегося на безумной скорости грузовика.

Сколько времени я провалялся в отключке? Минут десять? За это время водитель, сидящий за рулём первого грузовика, видимо, каким-то образом успел доложить обстановку: напарник-камикадзе мёртв, его машина – тоже, а Барятинский, скотина такая, цел и невредим. И получил новую команду: разворачивайся! Вернись и добей.

– Вова! – гаркнул я. – Сюда! Быстро!

Наде ничего не стал говорить. Молча схватил за руку и, не обращая внимания на удивленный писк, затолкал в машину на заднее сиденье.

Вове два раза повторять не пришлось, соображал он хорошо. И уже, видимо, успел свыкнуться с мыслью, что, находясь в моей компании, нужно быть готовым в любую секунду подрываться и нестись сломя голову, куда прикажут. Потому что если ты этого не сделаешь, в следующую секунду можешь остаться без головы.

Вова бросился ко мне.

– Уезжаем! – рявкнул я.

По изменившемуся лицу Вовы понял – он увидел, от чего мы уезжаем. Грузовик приближался стремительно.

Побледневший Вова молча прыгнул на водительское сиденье. Завёл мотор… То есть, он попытался завести мотор. Но тот вместо бодрого рычания вдруг издал протестующий скрежет.

– Что? – холодея, спросил я.

– Не заводится, – пробормотал очевидный ответ Вова.

Снова крутанул ключом в зажигании. В ответ снова раздался скрежет.

Щит, который я выставил, каким-то образом повредил зажигание? Или его повредил удар по Щиту? Или магия тут вообще ни при чём, а машина не заводится просто потому, что не заводится?.. Чёрт его знает, выяснять некогда. Грузовик приближался.

– Уходим, – приказал я.

И вот тут Вова меня порадовал до глубины души.

– Куда? – удивился он.

Н-да, перехвалил я парня – насчет соображалки. Хотя, скорее всего, для него просто дико уйти куда-то, бросив машину. Свою, недавно купленную, но уже успевшую стать такой родной и любимой…

– Откуда! – рявкнул я. – За мной!

Выскочил из машины, потащил за собой Надю. Путей отхода было, на самом деле, не сказать, чтобы воз. Бежать по шоссе, соревнуясь в скорости с грузовиком – идиотизм чистой воды. Летать – не умеем. Вариант остаётся единственный – уходить в сторону. За отбойник.

Именно это я и проделал.

Надю, приподняв, просто перебросил через ограждение. Сестра, не успевшая сообразить, что происходит, кубарем покатилась в канаву. Ничего, переживет. Испачкаться в при-

дорожной грязи по сравнению с оказаться раздавленной в лепёшку – сущий пустяк. Я перепрыгнул отбойник сам. Через несколько секунд рядом со мной оказался Вова.

– Туда, к ней, – приказал я.

И мы оба скатились в канаву.

– Надя! – крикнул я. – Подними Щит! У меня ресурс исчерпан, почти ноль!

Надя, начавшая было вставать, замерла. Вытянула вперёд руку. Щит замерцал. Слабенький, но всё лучше, чем ничего. Если камикадзе за рулём вооружен, например, дробовиком…

Но вооружен он, похоже, не был. Грузовик, пронесшийся мимо нас на полной скорости, смял оставшуюся на дороге машину Вовы. В буквальном смысле слова размазал её по асфальту и отбойнику – который с отвратительным скрежетом выгнулся дугой. А нас за отбойником водитель как будто вовсе не заметил. По крайней мере, стрельбы не последовало.

Более того: изуродовав машину Вовы, камикадзе как будто счёл задачу выполненной. Он спокойно сдал назад и принялся объезжать лежащий на боку поперёк дороги второй грузовик. Тот здорово мешал. Огромный неповоротливый автомобиль едва протискивался между отбойником и своим безнадежно мёртвым собратом.

Но водителя это совершенно не смущало. Он снова сдал назад. Лежащему рядом с машиной трупу своего коллеги с полным хладнокровием переехал ноги. И, взяв разгон, опять

пошёл на штурм.

Отбойник заскрежетал. Грузовик ободрал бока, правая фара у него лопнула. Но водитель с фанатичной настойчивостью продолжал протискиваться дальше. Очевидная мысль – развернуться и валить отсюда в противоположном направлении, пока на дороге не появился кто-нибудь ещё – ему как будто даже в голову не приходила.

Что-то здесь было не так. Что-то здесь однозначно было не так!

План созрел мгновенно.

– Щит убирай. Бегите в лесополосу, – приказал я Наде и Вове. – Вон туда, подальше от дороги, – показал направление рукой. – Затаиться и не отсвечивать! Задача ясна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.